

92955

С. УШЕРОВИЧ

СМЕРТНЫЕ
КАЗНИ В ЦАРСКОЙ
РОССИИ

МХ. 1933

V.N. Karazin Kharkiv National University

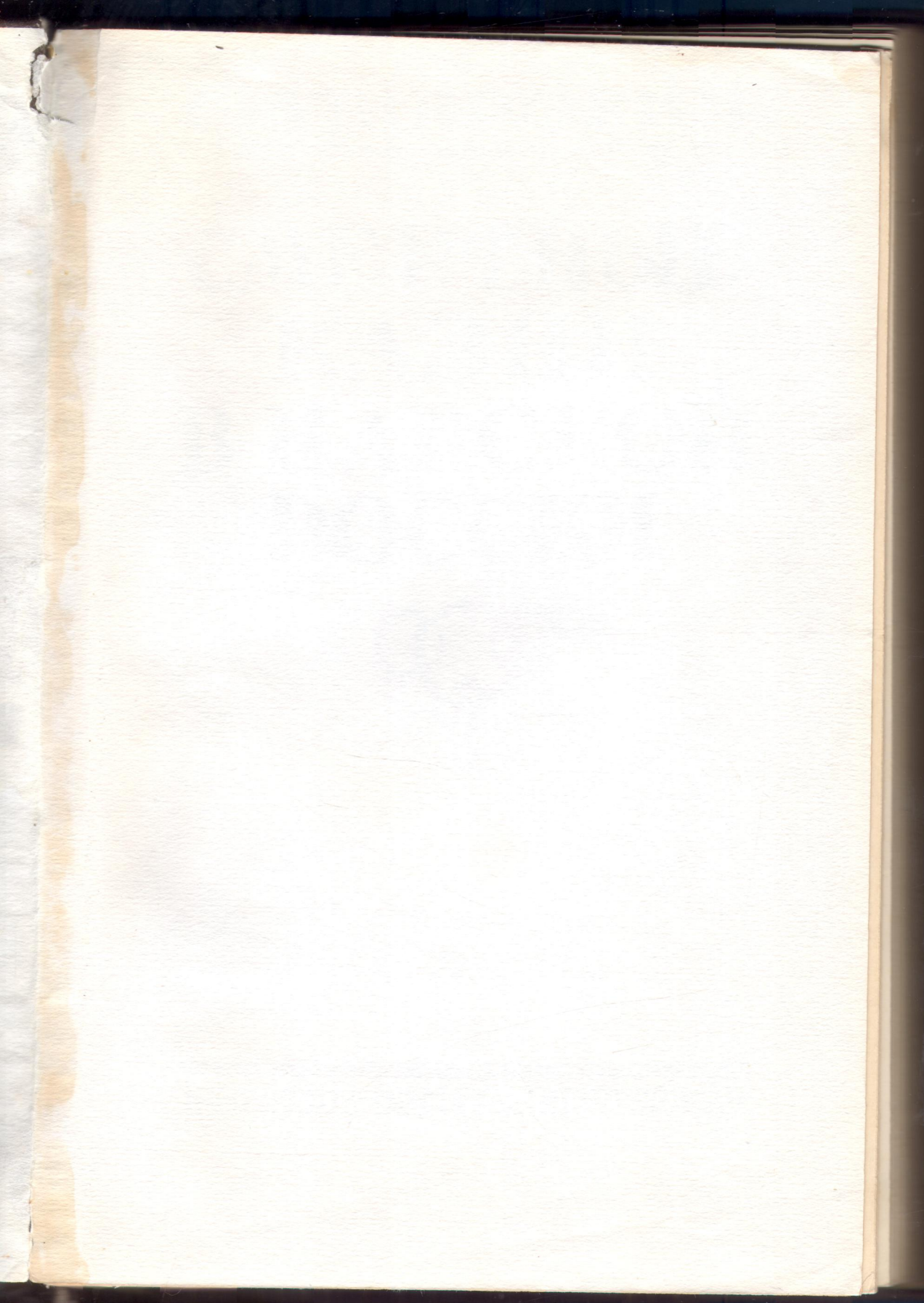

00273041 3

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:

11 MAR 2004

22-13

Да

11

Ос. Г.

92955

С. УШЕРОВИЧ

**СМЕРТНЫЕ
КАЗНИ
В ЦАРСКОЙ
РОССИИ**

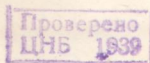
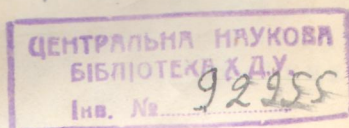
И-ВО ВСЕУКР. СОВЕТА ПОЛИТКАТОРЖАН

САУЛ УШЕРОВИЧ

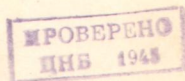
СМЕРТНЫЕ КАЗНИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

К ИСТОРИИ КАЗНЕЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ С 1824 ПО 1917 ГОД

2-ОЕ РУССКОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ С ПРЕДИСЛОВИЕМ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ ПРОФЕССОРА
М. Н. ГЕРНЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕУКРАИНСКОГО СОВЕТА
ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
19 ХАРЬКОВ 33

58

64

ФМЕ

Библиографическое описание этого издания
помещено в "Литеристу Украинского Друку",
"Карточном репертуаре" и друг. указателях
Украинской Книжной Палаты.

В ЦАРСКОЙ РОССИИ СМЕРТНЫЕ КАЗНИ

Ответственный редактор
Тарасов. Технический редактор
Кийков. Передано на произ-
водство 20/IV—33 г. Подписано
к печати 3/VIII—33 г. Б. м. 62
X 94. Печатных листов 21 1/2.
Колич. букв в бум. листе 106.000.
Изл. № 3. Зак. з. ил. № 995.
Главлит НКП УССР № 1403.
Тир. 430. Напечат. в 4-й тип.
Трансжелдориздата. Харьков.

22138

193388

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕУКРАИНСКОГО СОВЕТА
ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНИКОВ И СЪЕЗДОВ ПЕЧАТНИКОВ
ХАРЬКОВ

„ПАМЯТИ ПОГИБШИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“

„Вспоминаю, как Владимир Ильич, которому я показала в его последнее посещение моей квартиры фотографический снимок памяти жертвам, замученным царским самодержавием в Шлиссельбурге, сказал:

„Надо бы размножить этот снимок, его следовало бы иметь в каждом рабочем клубе, а то у нас плохо знакомы с историей нашей революционной борьбы, с тем, скольких жертв она стоила“.

Исполним в числе других и этот завет Ильича, будем шире и глубже знакомить массы с нашим революционным прошлым...“

А. Ульянова.

(„Правда“, № 113, 21 мая 1927 г., стр. 3)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги, Саул Ушерович, по своей профессии бывший типографский рабочий-революционер, политкаторжанин.

Он—один из многих, перед кем постоянно витала угроза насильственной смерти от тех или иных царских палачей, и кто в стенах каторжных тюрем стоял вплотную к „смертникам“. Одни из смертников уходили на виселицы. С другими, оставшимися в живых, автора соединили на долгие годы одни и те же цепи-кандалы каторги и общая революционная работа.

Если припомнить, что Ушерович провел в каторжных тюрьмах 1908—1913 годы, т. е. годы, когда царское правительство, расправившись с первой революцией, довело свою политику террора в борьбе с революционным движением до крайних пределов, то надо будет признать, что у автора книги было более чем достаточно оснований остановиться на избранной им теме. Вот почему я, автор предисловия к этой книге, старый криминалист-теоретик, постоянно боровшийся в царской России против смертной казни, говорю об авторе этого труда: „ему и книги в руки“¹.

В обширной литературе на всех языках о смертной казни авторами монографий на эту тему были юристы, медики, психо-

¹ Саул Сальевич Ушерович родился в семье чернорабочего. С 12 летнего возраста, оставшись сиротой и выйдя из второго класса школы, стал разносчиком газет, а на 13 году поступил в типографию, и труд наборщика стал его постоянной профессией то за легальным, то за нелегальным станком подпольных типографий. Начав чрезвычайно рано революционную работу, он в 15 лет ранен пулей на баррикадах в Одессе в октябрьские дни 1905 г. С 17 лет начинается с административной высылки тернистый путь революционера: аресты, побег, каторжные тюрьмы, нелегальное существование, ссылка на поселение, снова побег—сменяют одни другие. Присужденный к 8 годам каторжных работ с группой анархистов-коммунистов, в 1909 г. он, как несовершеннолетний, получает сокращение срока до 5 лет 4 мес. и отбывает их в известных своим тяжелым режимом кишиневской и николаевской каторжных тюрьмах. Сосланный после отбытия каторжных работ на поселение в Иркутскую губернию, он бежит в Иркутск, где определяется типографским рабочим. В это же время он состоит корреспондентом газеты „Правда“ и „Путь правды“ (1914 г.). Принимает активное участие в революционной борьбе 1917 г. и ближайших лет и с 1920 г. становится членом коммунистической партии. С. С. Ушерович—автор многих литературных работ: (Николаевская тюрьма (1922 г.), Смертники (1924 г.), В царских застенках (1925 г.), Слушайте стены (1926 г.), Живые мертвецы (1926 г.), Пекло (1929 г.), Пробуждение (1930 г.), три издания книги о смертной казни в царской России, участие в редак. коллегии журналов „Каторга и ссылка“ (Киев 1924), Из эпохи борьбы с царизмом (1925), Новый быт (1926) редактор „Рабочей газеты“ в 1917 г. и др.)

логи, служители культа. И впервые выступает в мировой литературе со своим трудом на эту же тему рабочий, долго работавший у типографского станка. Это произошло в СССР—в стране, где рабочие все в большем и большем числе выступают на ответственных постах во всех областях труда и знания.

Первая в мировой литературе книга о смертной казни, написанная бывшим рабочим, а теперь литератором, автором многих печатных работ, является первою и по своеобразному характеру ее содержания. Это — не исследование, не трактат, а богатейшее собрание материалов о смертной казни в царской России, проникнутое одной и той же идеей политической борьбы царизма с его врагами — борцами за дело народного счастья, борьбы пролетариата с царизмом.

Вот почему Саул Ушерович не интересуется историческим развитием смертной казни, доводами за и против этого наказания и тем более пресловутой и праздной проблемой о праве наказания смертью. Он оставляет в стороне всю „юриспруденцию“, не касаясь анализа законов российской империи с их санкциями казни через повешение и расстреляние. Он собирает факты, только факты, после критической их проверки, доступной при данных условиях. Он широко использует архивные материалы и сведения, опубликованные в до-революционной и особенно по-революционной печати.

Собранные автором факты — бесчисленны и каждый из них накладывает клеймо позора на лицо российского самодержавия, добавляя все новые и новые черты героизма и красоты к лику российской революции.

Конечно, как ни многочисленны собранные Саулом Ушеровичем факты, они не исчерпывают всего содержания вопроса. Семь лет упорного и нелегкого труда было потрачено автором на соби́рание материалов, которые он впервые опубликовал отдельной книгой на украинском языке в 1930 г. под заглавием „Кривавий синодик царату“ и в 1932 г. на украинском же языке „Кривавий смерч“, а также и на русском „Смертная казнь в царской России“. Первое из названных изданий содержало всего 216 стр., а третье уже в два раза более — 429 стр. и настоящее — четвертое — 504 стр. Так увеличилось содержание книги за короткий промежуток времени — три года. Усиленная разработка разнообразнейших материалов, происходящая теперь во всех архивах революции, раскроет перед читателями многое из того, что царское правительство хранило в глубокой тайне и что имело прямое отношение к теме автора. По нашему мнению настоящим четвертым изданием книги Ушеровича не заканчивается соби́рание и опубликование дальнейших материалов о смертной казни в царской России. Начатое им дело должно быть планомерно и систематически продолжено и, может быть, потребуются еще несколько томов, чтобы исчерпать все материалы с должной полнотой.

За трудом Саула Ушеровича навсегда останется значение работы пионера. Перед историей революционных движений в нашей стране большой заслугой автора является удачный выбор темы: документы, извлекаемые из секретных дел местных и центральных правительственных органов, и все богатые сведения, собранные из периодической печати и отдельных монографий, рисует борьбу двух миров. Это борьба величайшего напряжения сил обеих сторон. Борьба не на жизнь, а на смерть. И о смерти говорит каждая страница, каждая строчка этой книги. Один из двух боровшихся миров проходит перед читателями книги длинной вереницей палачей, экзекуторов и пособников палачей, министров и самих российских императоров. Тут идут один за другим вплотную и рядом наемные убийцы из числа уголовных арестантов, такие же наемные и продажные, готовые на все, чины низшей и высшей администрации и, подгоняющий их своими царскими „спасибо молодцам“, тот, кто олицетворял своею персоною весь старый строй, и полное ничтожество которого прекрасно охарактеризовано автором выдержками из дневника и писем последнего Романова и кровавыми его резолюциями. Перед читателем проходит за столетний период и другой мир—мир борцов. Сначала они идут почти в одиночку, потом густыми колоннами, настоящими стройными рядами. Идут многими тысячами. И все идут к смерти. И все идут к победе... Автор обрывает свои материалы на 1917 г., т. е. на днях торжества революции. К сожалению, едва ли когданибудь удастся раскрыть с должной полнотой имена деятелей революции, погибших в полосе военных действий в период империалистической бойни 1914—1917 гг. В печать почти не проникали сведения о действиях военно-полевых и окружных судов этого периода и едва ли велся учет приговоров этих судов. Во всяком случае отчеты военного министерства, из которых я извлек помещенные ниже цифры, оборвались на 1913 г.

Внимание Саула Ушеровича привлекли к себе все вопросы, так или иначе связанные со смертной казнью. Но на первом месте он поставил своею задачею исполнить завет В. И. Ленина: „познакомить массы с историею революции, скольких жертв она стоила“. Поэтому наибольшее место в книге уделено поименным спискам приговоренных к казни. Один из списков, составлен из имен казненных, а другой из имен тех приговоренных к смертной казни, над которыми приговор не был приведен в исполнение. Проверка газетных сведений всевозможными справками из разнообразных источников потребовала большого труда автора книги. Указание фамилий и имен сопровождается приведением последних писем и слов приговоренных, описанием их казни, времени ее совершения, указанием деяний, за которые последовало осуждение и проч. Все эти сведения, расположенные в порядке алфавита фамилий, дают желающему воз-

возможность легко и быстро получить нужную справку. Сведения о самоубийствах приговоренных выделены автором особо.

В особых разделах книги даны сведения 1) об экзекуторах и пособниках казни и 2) о палачах. Под именем „экзекуторов и пособников палачей“ С. С. Ушерович подразумевает руководителей карательных экспедиций, баронов, генерал-губернаторов, градоначальников, министров, офицеров, полицейских и т. п. В этом списке автор дал 153 имени. Чрезвычайно характерен классовый состав этих экзекуторов. По моим подсчетам среди них шли на первом месте, и притом в громадном числе, представители титулованной знати и прежде всего прибалтийские бароны. На 153 экзекутора списка С. С. Ушеровича оказалось 31 барон, 4 графа, 3 князя. Эти бароны в значительной части крупнейшие помещики Прибалтики. Но вместе с тем они нередко занимали высокие командные посты в армии. Вообще офицерство обильно представлено в списке Ушеровича: перед читателем проходят всякие офицерские чины командного состава всяких полков и в том числе часто гвардейских полков: точные указания даны автором о 9 генералах, 13 полковниках и т. д.

Проходят перед читателем также всяких чинов полицейские, начиная от городских и урядников и кончая жандармским ротмистром (всего 31 человек).

Сведения обо всех этих экзекуторах даны автором, кроме названного специального раздела, также и в первых двух очерках „Кровавый смерч“ и „Столыпин“. Эти очерки содержат общую характеристику эпохи первой революции и годов белого террора и яркого руководителя такой политики — Столыпина. Характеристика Столыпина дается „документально“: тут его письма к царю, к разным генералам и высшим администраторам, его приказы и циркуляры, выдержки из речей. Скрепленные собственноручною подписью Столыпина, эти документы, иногда мало известные широким кругам читателей, показывают насколько прав был В. И. Ленин, когда он писал о Столыпине и его сподвижниках: „вы довели репрессию до конца и этим наглядно показали всем необходимость довести до конца и боевое революционное выступление“. Не даром автор выбрал эти слова эпиграфом своего очерка.

Интереснейшие документы собраны С. С. Ушеровичем в главе „Техника казней“. О содержании главы говорит самое ее название. Но было бы ошибочно думать, что лишь названная глава исчерпывает содержание темы об исполнении смертных приговоров. Они даны, как указано нами выше, и в поименном списке казненных и в очерке, где автор знакомит читателей с тем, что нередко предшествовало казни и что сопровождало ее „Истязания и издевательства перед казнью и над трупами после казни“. И опять проходят длинным рядом приговоренные, которым, кроме мук ожидания и исполнения казни, пришлось

еще перенести тягчайшие физические страдания — избиение, пытки и надругательства над их личностью.

Алфавитные списки, данные автором в различных главах его труда, с перечнями:

- 1) экзекуторов и пособников палачей;
- 2) палачей;
- 3) революционеров, приговоренных к казни, но не казненных;
- 4) казненных;
- 5) подвергшихся истязаниям перед казнью;
- 6) смертников-самоубийц (не в алфавитном порядке), —

делают из этой „книги-памятника“ погибшим революционерам вместе с тем и „справочник“ о них и о смертной казни вообще. Этим объясняется, что в некоторых случаях одни и те же фамилии повторяются в разных местах книги. Таким образом читатель, желающий узнать о каком либо лице все сказанное о нем в книге Ушеровича, должен заглянуть не в один список. Но с другой стороны, собирав автором в одно место всех подвергшихся пытке, в другое — всех „смертников-самоубийц“ и т. д. производит на читателя более цельное впечатление. И не только более „цельное“, но, добавим, также и более глубокое, потрясающее...

Заключительным аккордом книги служит подведение автором сравнительных итогов смертных казней в царской России и на территории всего мира. Надо, однако, иметь в виду, что автор, по вполне понятным причинам, был лишен возможности представить по иностранным государствам статистику внесудебных убийств и расправ, как он это сделал по царской России. Зарубежные случаи, аналогичные приводимым автором из российской действительности, остались вне учета, и читатель не должен опускать это из внимания при оценке статистики смертных казней за рубежом.

Очень большое достоинство книги составляет также иллюстрационный материал, собранный автором: фотографии казненных революционеров, неказненных революционеров, палачей и экзекуторов, фотодокументы о технике казней и проч. в числе до 250 снимков.

Размеры этой исключительной коллекции говорят о колоссальном труде, затраченном С. С. Ушеровичем и притом затраченном с таким успехом

Я не хочу ограничиваться в своем предисловии к книге С. С. Ушеровича лишь общей ее оценкой. Материалы автора так обильны, так разнообразны и так важны, что я беру на себя смелость хотя бы в слабой степени помочь читателю в его ознакомлении с книгой. Я — первый читатель этой книги в четвертом ее издании. Я знакомился с нею еще в процессе ее печатания. И как прочитавшему ее ранее других, мне хочется поделиться с последующими ее читателями своими выводами, своими обобщениями, вытекающими из изучения этого труда Ушеровича.

Автор охватывает своим исследованием период в сто лет — последний век существования смертной казни в царской России. Из этого столетия годы первой русской революции и контрреволюции составляют центральное место в труде С. С. Ушевovichа.

Таким образом наибольшая часть книги и основное ее содержание продиктованы автору кровавыми событиями последних десяти лет отмиравшего строя.

Для этого десятилетия автор книги был не историк прошлого времени, а его современник-летописец. Не холодный и спокойный зритель, а непосредственный и горячий их участник.

Автор дал, можно сказать, две характеристики этого периода — „качественную“ и „количественную“. Первая дана в очерках под заглавием „Кровавый смерч“ и „Протесты общественности против смертной казни“, а вторая в последней главе, где приведены цифровые материалы.

Ценность и интерес „качественной“ характеристики заключаются в том, что она дается на основании разнообразных официальных документов, в значительной части секретных или неподлежавших оглашению, в виде циркуляров, инструкций, переписки, выдержек из дневников.

То, что говорилось и писалось только для своих, спаянных между собою общими классовыми интересами, теперь раскрывает перед читателями бесстыдную и отвратительную наготу, ранее прикрытую раззолоченными придворными мундирами и царской мантией.

„Количественная“ характеристика представляла для исследователя большие трудности в виду отсутствия или чрезвычайной неполноты цифрового материала о смертной казни. Те, кто производил карательные экспедиции в Прибалтийском крае, в Закавказье, в Сибири, под Москвою по линии Казанской жел. дор., — не занимались статистикой производимых ими расстрелов.

Пославшие их не интересовались никаким учетом. Их лозунги были „патронов не жалеть“, „пленных не иметь“... Другими словами „чем больше, тем лучше“. Точные цифры погибших от действия карательных отрядов никогда не будут установлены. Едва ли когданибудь будут установлены также и цифры казненных по приговорам военно-полевых судов. Единственным официальным материалом является тот, который давался в отчетах военного министра о деятельности военно-окружных судов.

Хотя очень неполно он приоткрывает уголок завесы, за которой творили свое кровавое дело классовой юстиции ее наиболее надежные слуги. Вот почему я считаю нелишним воспроизвести здесь цифры, взятые мною из названных отчетов за период 1901 — 1912 гг.

— Присуждено к смертной казни в период 1901—1912 гг. военно-окружными судами в России¹

Годы	Всего	В том числе			Из них за гос. преступл.			Явное восстание		
		Офицеров	Ниж. чин.	Гражд.	Офиц.	Ниж. чин.	Гражд.	Офиц.	Ниж. чин.	Гражд.
1901	9	—	1	8	—	—	—	—	1	—
1902	28	—	6	22	—	—	2	—	—	—
1903	11	—	1	10	—	—	—	—	—	—
1904	19	—	—	19	—	—	—	—	—	—
1905	25	—	13	12	—	—	11	—	9	—
1906	250	5	63	182	—	—	14	2	57	3
1907	627	—	84	543	—	—	52	—	60	—
1908	1340	—	48	1292	—	1	118	—	5	—
1909	629	1	24	604	1	—	11	—	—	—
1910	166	—	11	155	—	—	—	—	—	—
1911	113	—	12	101	—	—	8	—	—	—
1912	143	—	28	115	—	—	—	—	14	—

Таблица требует пояснения. Надо прежде всего помнить, что в нее не вошли цифры уничтоженных карательными экспедициями и казенных военно-полевыми и военно-морскими судами. А между тем о размерах этих невошедших цифр можно судить, например, по таким приблизительным подсчетам. В том самом 1905 г., когда военно-окружные суды приговорили к смерти 25 чел., карательный отряд Римана уничтожил в декабре того же года до

¹ См. „Всеподданнейшие отчеты военного министерства“ за указанные 1901—1912 гг. Приведенная нами в тексте таблица появляется в таком виде в печати впервые. Деятельность воен. окружных судов освещалась в повременной печати Грузенбергом О. О. в его статье в журн. „Право“ 1910 г., № 23, Я. Л. Берманом „Деятельность военно-окружных и полковых судов“, см. журн. „Право“, 1913 г., № 36. Первый дает сведения 1875—1908 гг., второй за 1901—1909 гг. Цифры у названных авторов не сходятся иногда между собою и с приведенными мною, которые сходны с общими итогами, приведенными Г. В. Филатьевым, кончая 1912 г., в его статье „Дореволюционные военные суды в цифрах“ журн. „Каторга и ссылка“, 1930 г., № 7.

800 чел. и сам Римаи пристрелил до сотни. Попытки подсчета казненных военно-полевыми судами за шесть месяцев 1906—1907 гг. указывают цифру более тысячи человек и т. д.

Официальная группировка осуждений „за государственные преступления“ и „явные восстания“ (в полках, флоте и проч.) в действительности не исчерпывает осужденных к смерти революционеров, так как они включались и в такие таблицы, которые отнеслись к осуждениям за преступления против порядка управления, экспроприации и др. Огмечаем, что правительство расправилось с революционным движением главным образом в 1907 г. (60 ниж. чинов смертников), а в гражданском населении в следующем году (1340 чел.).

Деятельность военно-окружных судов была лишь подсобной к внесудебной расправе самой разнообразной формы.

Но и эта „судебная деятельность“ была, по верному замечанию В. И. Ленина, „комедией суда и следствия, производимых самими виновными“¹. В самом деле, „комедия суда“ была во всем. Актерами были все, начиная с царя. Автор приводит пример, когда Николай II, повелевая в декабре 1905 г. предать волюноопределяющимся суду, сам же указал и наказание для них — расстрел. Когда ген. губернатор Соллогуб решился телеграфировать царю о незаконных жестоких действиях начальника карательного отряда Орлова, царь поощрил этого „беззаконника“ к дальнейшим беззакониям собственноручною резолюцией: „Ай да молодец“. Примеру коронованного блюстителя закона, следовали все, окружавшие его трон. Если царь диктовал приговор, то главный военный прокурор Павлов предписывал по военно-судебному ведомству „не ходатайствовать о помиловании приговоренных к казни“. Военный министр, подбирая нужный состав судей и, очевидно, в целях устрашения всех служителей российской Фемиды, сместил 90 судей за „мягкие“ приговоры на низшие должности. Приговоры военно-полевого суда не подлежали ни утверждению, ни отмене. Но когда такой суд вздумал оправдать двоих обвиняемых, оба оправданные уже через несколько часов висели в петле виселицы по приговору другого состава суда...

И „комедия“ суда становилась драмой, превращалась в настоящую трагедию с бесчисленными убийствами. Одним из актов этой трагедии были карательные экспедиции, другим актом — военно-полевые суды, третьим — военно-окружные суды и т. д. Трагедия во многих действиях разыгрывалась без всяких антрактов. Эпилогом или апофеозом оказалась революция.

Ленин назвал эту комедию или трагедию ее собственным именем: „усиленные и чрезвычайные охраны, аресты без конца, военно-полевые суды, карательные экспедиции, — все это вместе взятое нельзя назвать иначе, как военным террором“².

¹ Ленин. Сочинения. Том VII, стр. 300.

² Ленин. Сочинения. Том X, издан. 2-е, стр. 293

Пока первая революция еще не была разбита, военный террор правительства осуществлялся им под аккомпанимент одобрения и ободрения слоев, на которые оно опиралось, помогавших ему своими погромами¹, убийствами из-за угла, расстрелами заключенных в тюрьмах через оконные рамы и т. п. Вся эта работа была проникнута одной и той же идеей, совершалась по определенному плану. Черносотенные организации, союзы русского народа, Михаила архангела, устраивали под прикрытием полиции и при ее участии избиения евреев и интеллигенции. Жандармерия и войска расстреливали безоружные демонстрации и рабочих стачечников. Военные суды всякого наименования приговаривали к виселице и расстрелу. В государственной думе в это же самое время яркий выразитель настроения таких кругов, — Пуришкевич говорил: „я не могу допустить не только возможности отмены смертной казни, но нахожу, что всякого рода предложения, отсюда раздающиеся, — суть глумление над совестью русского народа“. Все новых и новых казней требовали на съезде дворянства в Москве, где дворянин Павлов называл военное положение „игрой в оловянных солдатиков“. Летели в Петербург телеграммы к царю от разных отделов союза русского народа „с мольбою“ сохранить казнь. На запросы в государственной думе о военно-полевых судах, расстрелах без суда, правительство отвечало новыми казнями. Воззвание московского комитета РСДРП того времени писало: „Самодержавие все жаждет крови... придумало особую расправу — военно-полевые суды. На гнусном языке гнусного правительства это называется „умиротворением страны“. Новое карательное средство не представляет ничего нового. Не всели равно, погибнуть от расстрела военной экспедиции или военного суда, накидывающего петлю на основании положения военной или чрезвычайной охраны, или от пули солдатской, казацкой, полицейской, стражнической... Не поставлено никаких пределов их палаческой деятельности“².

Такая палаческая деятельность встречала благословение духовенства в лице иеромонаха Илиодора. Он печатал пламенные призывы к политическим убийствам „главарей красных шаек“, создавая новый термин для таких убийц. Он называл их „сподвижниками-палачами“, перед которыми преклонятся все русские люди³.

Проповедь Илиодора о „палачах-подвижниках“ была несомненным отзвуком нужды правительства в наемных убийцах. Но эта проповедь была лишь эпизодом в целой системе подготовки палачей. Илиодор причислял их к лику „сподвижников“. Командир Гроховского полка особым приказом отмечал как

¹ Материалы к истории русской контр-революции. Т. I. Погромы по официальн. документам. СПб. 1908.

² Революция и РКП(б) в материалах и документах. Том IV, стр. 432.

³ Малиновский. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2-й. Приложение, стр. 62.

доблестный подвиг убийство солдатом поляка за оскорбление заочно царя. Убийца производился из нижних чинов в ефрейторы, получал денежную награду, двухмесячный отпуск. Каждая рота полка должна была кричать в его честь „ура“! Разве это не было приемом воспитания палачей? Такими же приемами были награждения пятью и десятью рублями часовых при тюрьме, если им удавалось подстрелить заключенного, когда он смотрел в окно своей камеры (автор приводит длинный ряд таких случаев). Такими же приемами были приказы Ренненкампов, Меллер-Закомельских с оповещением, что никакая жестокость не будет излишней, а мягкость будет преступлением. Педагогом выступал Риман, когда призывал крестьян убивать агитаторов на месте... Так российская действительность превращалась в школу палачества и в роли педагогов выступали наиболее активные царские слуги в мундирах и рясах...

При наличии таких условий становится понятным то внимание, которое автор уделит в своей книге палачам.

* * *

Палачи. Впервые в русской литературе книга С. Ушеровича делает попытку собрать во-едино сведения о палачах последней четверти XIX века и особенно о палачах Николая II. Собираание сведений по этому вопросу представляло особые трудности, так как имена палачей держались правительством в строжайшем секрете, составляя, говоря словами одного из осужденных по делу о Хамовническом застенке (иначе так назыв. „процесс царских палачей“) „государственную тайну“. Вот почему надо отметить, что, хотя список палачей и содержит лишь полсотни имен, но интерес его очень велик особенно, когда указание того или иного имени сопровождается сведениями об его „работе“, „заработках“, его обращениях к администрации с предложением своих услуг и проч.

Французский писатель граф де Местр¹, сенатор и ярый реакционер, воспитанник иезуитов, укрывшийся после французской революции при дворе Александра I в качестве посланника короля Сардинии, писал в те самые годы, когда явилась необходимость оправдывать существование смертной казни. настоящий гимн палачу: „Все величие, все могущество, весь порядок зиждутся на палаче. Он — ужас и скрепа человеческого общества. Отнимите у мира этого непостижимого сотрудника и в тот же момент порядок превратится в хаос, троны рушатся и общество исчезнет“.

Собранные Саулом Ушеровичем материалы о царских палачах дают нам возможность нарисовать облик этой „опоры трона“, этой „скрепы человеческого общежития“. Собранные автором сведения разнообразны, но легко поддаются некоторому обобщению.

¹ Comte de Maistre. Les soirées de St-Petersbourg. Pasis. 1821.

Личность палача не всегда была окутана „густым флером таинственности и неизвестности“¹. Прежде чем скрыть свое лицо под маску и самому спрятаться со своей „удавкой-веревкой“ в темноту ночи, за стены тюрьмы или уединенного сарая, — палач еще не так давно (вплоть до 1881 г.) стоял на виду у всех на высоком помосте эшафота всенародной публичной казни. История палача не входит в мои задачи, но не лишне припомнить здесь две-три черты из родословной книги русского палача.

Профес. Кистяковский указывает, что в старое время сами цари и верховные жрецы собственноручно приводили в исполнение смертные приговоры². В России это „прошлое“ было не столь давним, и палачи последнего Романова могли указать в качестве своих предков предшественников этого Романова на российском престоле. Иван Грозный принимал деятельное участие в больших казнях. Петр I-й рубил собственноручно головы составшим стрельцам. Наряду с самими царями выступали в качестве палачей знатнейшие их приближенные — князь Черкасский, князь Ромадановский, князь Голицын, князь Меншиков и др. Кистяковский приводит указания возведения палачей монархами в разных странах в дворянское достоинство.

Шли годы, и взгляд на обязанности палача менялся. И у нас в России, правительство, укрывавшееся за спинами палачей, испытывало уже в XIX веке не мало затруднений в поисках этих специалистов, этой своей „опоры“. В 1833 г. министры внутренних дел и юстиции вошли в государственный совет с предложением „избирать на должность палача из осужденных решением уголовных палат в ссылку в Сибирь и к наказанию плетью, освобождая вместе с тем таковых от присужденного им телесного наказания“. Это предложение и было принято государственным советом (23 дек. 1833 г.). Казалось бы, правительство могло питать уверенность, что освобождение от ссылки в Сибирь и от жестокого наказания плетью (нередко становившееся мучительной смертной казнью), при условии превращения в палача, выведет администрацию из затруднительного положения. Но в действительности этого не произошло и уже через три года, в 1836 г., потребовалось расширение круга лиц, из которых можно было бы завербовывать палачей. Государственный совет постановил: в случае ненахождения желающих взять на себя обязанности палача взамен наказания ссылкой и плетью, предоставить губернским правлениям назначение палачей из числа присужденных в арестантские роты с их на то согласия или брать на службу „вольнонаемных“. Содержание вольнонаемным было определено чрезвычайно высокое — в сто

¹ А. Н. Новиков. Палач. Журнал „Право“ 1910 г., № 11, стр. 657.

² А. Ф. Кистяковский. Исследование о смертной казни. Изд. 2-е. 1896, стр. 261 и след.

лицах триста, четыреста рублей в месяц, а в губернских городах — двести — триста¹.

В XIX век царское правительство перешло с палачами из уголовных, вольнонаемных, тюремных и полицейских надзирателей, но в эпоху первой революции, когда трон зашатался, нашлись бесплатные палачи — добровольцы из числа офицеров карательных отрядов, которые принимали непосредственное участие в казни повешением. Ушерович приводит в своем списке таких троих. По подсчету автора из числа 49 выявленных палачей его списка почти половина была из числа уголовных (18 человек); рядом с этой группой стоит по численности вдвое меньшая — городовые, далее идут агенты охранных и сыскных отделений и т. д.

Таким образом, наибольший процент палачей набербовывался, надо думать, из уголовных преступников. К сожалению, подробных сведений об их преступлениях мы не знаем, но имеются прямые указания на предшествующие и последующие осуждения за наиболее тяжкие имущественные преступления вплоть до разбоев с убийствами (у одного из них Сейна, было осуждение за восемь убийств). Осужденные за корыстные преступления, они, в противоположность профессионалам из числа имущественных преступников, не только не были спаяны с общей массой заключенных, но нередко находились с нею в полном антагонизме, состоя доносчиками и осведомителями тюремной администрации о всех событиях тюремной жизни. Некоторые из них, раскрытые как предатели, возбуждали такое презрение и такую ненависть заключенных, что спасали свою жизнь (не всегда) лишь благодаря помещению их в особые камеры, известные на жаргоне под названием „сучий куток“.

Мотив материальной корысти играл большую, но не единственную роль в занятии их ремеслом палача. Они шли к этой цели тем наглее, чем более видели нужду в них правительства. Они прекрасно сознавали за собою значение равноправной договаривающейся стороны в коммерческой сделке с администрацией и чувствовали свою силу, готовые припереть ее к стене всякими средствами вплоть до угрозы недовести уже начатую казнь до конца, если эта администрация не сделает надбавки к заранее условленному вознаграждению с каждой головы казненного.

Но и другая договаривающаяся сторона, — само правительство в лице тех или иных его органов, была вполне достойною этих палачей. Администрация не опускала возможности и обсчитать палача и организованной конкуренцией сбить „поштучную“ плату за казни. Автор сообщает в своей коллекции случай обращения палача в консультацию с просьбою пред'явить иск к правительству за недоплаченные ему 60 руб.

¹ Новиков А. Н. назван. статья, стр. 658.

Из даваемых автором сведений видно, что плата за производство казней обыкновенно определялась поштучно и чаще всего в размере 25—50 рублей, не поднимаясь выше ста рублей. При этом практика знала как случаи повышения этой „поштучной“ платы, так, с течением времени, и ее снижения. Зависел размер платы и от количества казнимых одновременно: для правительства было выгоднее казнить в одну ночь сразу несколько человек, а для палача была доходнее казнь одиночек.

Количество казненных одним и тем же палачем колеблется, по моим подсчетам соответствующих цифр, приводимых автором, в пределах от одного до пятисот человек. Этот наивысший рекорд установил Жабин, главный палач хамовнической части в Москве в период 1906—1913 гг. На втором месте идет Жекмаки, палач из Одессы 1906—1911 гг. бывший сыщик: он указывал цифру повешенных им в триста человек. Фремель, палач из Лодзи, перечислил поименно в своем списке 101 казненного. Громадная практика некоторых палачей приводила их к выработке не только „профессиональных навыков“, но и своей особой манеры совершения казней. Так, например, Жекмаки совершал их одетый в черное домино и с маской на лице. Другой палач с десятилетним стажем—Юшков изобрел себе костюм, состоявший из красного колпака на голове, красной рубахи и бархатных шаровар. Бывший председатель московск. окружного суда говорил мне со слов чиновника суда, присутствовавшего постоянно при казнях в Москве, что один из палачей совершал их в святочной „маске-харе“.

Перерыв в занятии должности палача отмечается не один раз автором книги. Иногда это были не временные перерывы, но полная отставка. Вероятнее всего и то и другое вызывалось конкуренцией или протекцией администрации другому кандидату. В таких случаях палачи начинали засыпать администрацию вплоть до высших чинов минист. внут. дел своими прошениями. Интересные образцы их Ушерович приводит на страницах своей книги. Это образцы человеческой подлости как тех, кто просил, так и, может быть, в еще большей степени, тех, кого просили, и кто эти просьбы удовлетворял.

Собранные автором материалы о палачах дают сведения о конце их карьеры, о судьбе их после революции. Некоторые из них были убиты другими заключенными, некоторые предстали перед советским судом, а кое-кто судился еще и царским судом за новые преступления. Надо думать, что такие обвиняемые в царских судах из числа палачей не особенно серьезно смотрели на свое осуждение. Новиков приводит пример очень своеобразного обжалования палачем обвинительного приговора, когда он, заявляя о своих услугах правительству в должности палача, рассчитывал, что не будет осужден за совершенный грабеж. Обругав судей площадной бранью он пригрозил им, что запомнил „их морды“... Такая психология палача, как верно

указывает цитируемый автор, создавалась под влиянием порядка, культивировавшего должность палача, как что-то неизбежное для государства.

Палач — был лишь одним звеном в общей цепи аппарата „правопорядка“. Не всегда можно было отличить это звено от других. Ленин в своей статье о кровавой бойне на Лене указывал, что расстрелом рабочих руководил жандармский ротмистр Трещенко. Ранее он был провокатором в Киеве и палачем в Сормове, где он повесил 80 человек. По словам Ленина этот Трещенко был „точнейшим воплощением всей романовской монархии. Провокатор и палач в ротмистре Трещенке скрывался под мундиром начальника охранного отделения. Но под министерским мундиром Столыпина не скрывался ли тот же провокатор и палач лишь во всероссийском масштабе? И под императорской мантией Николая Романова не живет ли тот же провокатор и палач? Трещенко расстрелял сотни, но Столыпин и Романов не расстреляли ли тысячи? Трещенко подкладывал провокаторские бомбы рабочим, но Романовы и Столыпины, Макаровы, Курловы и Трусевичи не на Азефах ли и Бродских построили свое благополучие?“¹

* * *

Техника казни. Собрав материалы о палачах, автор книги собрал во-едино также и разнообразные материалы в главе под жутким заголовком „Техника исполнения казней“.

Предшественники Саула Ушеровича по разработке темы о смертной казни, не исключая и автора этого предисловия, давали такой главе иное название „Способы смертной казни“.

Несомненно, что термин „техника“, избранный автором взамен общеупотребительного выражения „способы казни“, звучит иначе и много больше говорит сам за себя. Новый термин вполне понятен и естественен в устах бывшего рабочего и теперь руководителя производственного предприятия. Действительно процесс приведения в исполнение смертных приговоров являлся вопросом техники в бюрократической машине царизма и в строении аппаратуры класса, стоявшего у власти.

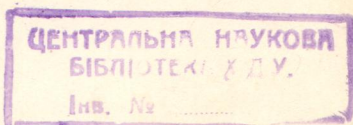
При взгляде на смертную казнь, как на своеобразный производственный процесс по борьбе господствующего класса за свое преуспевание, — становится вполне понятным, что техника казни переживала свою эволюцию. В нее вкладывалось менявшееся содержание, а, меняясь, она по разному обосновывалась.

Если попристальнее всмотреться в технику производства казней в разные периоды, то увидим, что приемы казни, доставки к месту казни, время казни и даже устройство виселицы в каждый различный период проникнуты различной идеей.

В XVII веке и в ближайшее к нему время, когда первенствующая роль во властвовании принадлежала православному

¹ Ленин. Собрание сочинений. Том XII, часть 1-ая, стр. 90 и сл.

2. Смертные казни

духовенству, религиозные соображения оказывали свое влияние даже на выбор способов казни. Известно, что законодательство указанного периода и практика того же времени прибегали к повешению реже, чем к другим видам отнятия жизни. Профессор Сергеевский¹ приводит объяснения этого факта: предполагалось, что душа человека, умирающего от сдавливания горла петлей веревки виселицы, не может выйти из тела через горло и поэтому выходит через задний проход и тем самым оскверняется. С такой точки зрения смертная казнь посредством помещения на кол, бывшая в большом распространении, отвечала религиозному миросозерцанию того века в большей степени.

Цитированный автор приводит примеры, когда православное духовенство напутствовало осужденных, уже посаженных на кол. Можно легко представить себе как воспринимал казнимый эти душеспасительные беседы.

В XIX—XX веках опасения за осквернение души уже не играют никакой роли и казнь через повешение вытесняет остальные способы казни. При выработке проекта уголовного уложения, утвержденного последним Романовым в 1903 г., были попытки заменить повешение отравлением², но законодатель не захотел расставаться с повешением; оно имело за собою свою историю, традиции, школу, свой спыт и мастеров этого дела.

Руководящий у власти класс освещал свою репрессивную политику теми или иными основными идеями и они влияли на технику казни. Устрашение, возмездие - искупление „вины преступления“, простое уничтожение - истребление, — таковы были цели репрессии и они выдвигались в разных комбинациях с преобладанием сначала одних из них, а потом других. Цель устрашения и возмездия выдвигали в технике казни на первое место ее публичность и особую церемонию работы палачей и всех их пособников. Цель же уничтожения политического преступника, как классового врага, сводила все обряды казни на нет и делала смертную казнь еще более похожей на убийство.

Таким образом путь развития смертной казни шел от акта торжественного жертвоприношения к актам простой расправы со своим врагом. И этот процесс развития сказывается во всем. С площадей города казнь уходит в отдаленные, скрытые местности. Она прячется за стены тюрьмы. Отыскивает безлюдные места. Уходит за город, даже в лес. Саул Ушерович сообщает в различных главах своей книги сведения о том или ином месте, где производились казни революционеров. Мы внимательно проследили эти места. В XIX веке вплоть до публичной казни по делу 1 марта 1881 г., это были такие места, как Семеновский плац в Петербурге, потом это были — Петропавловская и

¹ Сергеевский. Наказание в русском праве XVII века.

² Объяснительная записка к проекту уг. улож. Том I-й, стр. 126.

Шлиссельбургская крепости, а еще позднее в 1906—1908 гг. Лисий Нос — „безлюдная, лесистая, вполне соответствующая этому назначению, местность“. Генерал Курлов проектировал совершать казни в Петербурге на закрытом холерном кладбище. В Одессе казнили за Чумной Горой, также в районе „Горемыкинского Люнеля“ и на стрельбищенском поле (1907 г.). Для казни Шмидта и его товарищей избрали остров Березань. Для казни восьми человек близ Риги остров Макнисгалм. Казнили в стенах бобруйской крепости, Косого Капонира, в Киеве между житомирской почтовой дорогой и кладбищем (1879 г.) и на Лысой Горе. В Москве в таганской тюрьме, сокольнической исправительной тюрьме и хамовническом полицейском доме. В Нижнем Новгороде, Севастополе и Новочеркасске на дворе тюрем. В Пензе — в лесу. Также в лесу были совершены казни около Верхнеудинска и т. д.

Разработка архивов, конечно, откроет много других мест казни, но едва ли много прибавит новых черт к характеристике выбора мест казни руководителями ее исполнения.

Процесс „упрощения“ исполнения казни ярко проявился и на способе устройства виселицы, и на способах доставки к ней осужденных, и во многом другом. При казни 3 апреля 1881 г. виселица представляла собою колоссальное сооружение. Кроме громадной виселицы, рассчитанной на шесть человек, тут же стояло три позорных столба с цепями на них. К этим столбам прикрепляли осужденных для выслушивания приговора. Виселица и столбы стояли на обширном помосте вышиною в два аршина, длиною 12 аршин, шириною $9\frac{1}{2}$ ар, т. е. с площадью почти 120 квадратных аршин. В полутора сажнях от эшафота была устроена площадка для представителей печати и лиц судебного ведомства¹. В последние годы существования виселицы устройство ее очень упростилось. Вешали без всяких эшафотов на перекладине двух столбов или на веревке, прикрепленной к крюку в потолке сарая, на пожарной лестнице и на сучке дерева. Вместо специальной „черной“ скамеечки, на которую ставили первоартозцев, приговоренных к повешению и которую затем, после надевания петли на шею, вышибали из под ног, — стали пользоваться табуретками, стульями, столами... Из книги Ушеровича узнаем, что известны и такие случаи казни, когда палачи придумали обходиться даже и без табуреток: один конец веревки с петлей надевали на шею осужденного, а другой продевали через блок и тащили приговоренного вверх на воздух, а после того, как тело было приподнято на должную высоту, закрепляли свободный конец веревки у столба виселицы. В это же самое время помощники тянули повешенного за ноги вниз...

Когда смертная казнь уходила с площадей прятаться за тюремные стены, в разные укромные местечки, соответственно

¹ Гернет М. Н. Смертная казнь. Москва, 1913 г.

менялись и способы доставки приговоренных к виселицам. Вплоть до отмены публичного исполнения казни доставка осужденных к эшафоту была настоящим триумфальным шествием палачей. Они торжественно праздновали свою победу над осужденным смертником. Ушерович приводит целиком инструкцию генерала Гурко о порядке производства казней (1879 г.). В ней 11 параграфов. Читатель увидит из этой инструкции весь ритуал удавления: в процессии принимали участие жандармы, войска, священники в траурных ризах и с крестами в руках, палачи. Барабанщики и горнисты должны были исполнять „эзекуционный марш“. Для самих приговоренных предназначалась особая колесница. Церемония доставки первомагистров на Семеновский плац происходила очевидно применительно к этой инструкции. Их везли, как сообщал официальный отчет, на двух позорных колесницах, запряженных каждая парой лошадей. Приговоренные были прикреплены на колесницах ремнями к скамейкам и возвышались над землею сажени на две. Вслед за позорными колесницами ехали в двух каретах пять священников в черных ризах. Они ехали, не сознавая, что их кареты, в которых восседали они с золотыми крестами в руках, — более позорные колесницы, чем телеги осужденных революционеров.

Отмена публичности казни вызывалась, конечно, опасениями народных волнений, террористических актов, попыток освобождения осужденных. Доставка к месту казни превратилась из „церемониального и победного марша“ в настоящий воровской, мошеннический акт со всеми приемами убийства из-за угла. Из опасения волнений в тюрьме исполнители казни брали отсюда приговоренных не редко тайно, с завязанными ртами или уводили их обманом¹. Если казнь совершалась вне тюрьмы, то их везли в закрытых повозках с переодетыми жандармами. Для такого тайного увоза осужденных из тюрьмы и доставки их на место казни всякая „церемония“ была бы лишней проволочкой. Вот почему позорная колесница была заменена закрытой тележкой или каретой, а где представлялась возможность, даже и автомобилем. Таким образом медленное шествие позорной колесницы превратилось в бешеную автомобильную гонку озиравшихся убийц, опасавшихся, как бы их гнусное дело не было раскрыто. Выбор для казни таких уединенных и „укромных“ мест, как Лисий Нос, приводил, впрочем, к тому, что осужденный испытывал за одну ночь, последнюю в его жизни, несколько средств

¹ Один из бывших политзаключенных, очевидец таких тайных увозов, так описывает эту картину: „Вставляют ключ. Осторожно как воры... Сходят в корпус мягко, как тигры: они в валенках. Сперва крадутся, слушают. Тишина. Люди тигры быстро переходят на сторону смертников, проходят одну за другой двери камер, наконец, они достигли нужного им номера... Останавливаются... Ждут... Слушают. Волчок обреченного номера слегка отодвигается: смотрят. Шопот. Тихо. Вдруг раздается звук быстро вставляемого ключа; дверь распадается, в камеру входят... Возня. Не обошлось без одеяла: идут... заткнули рот“. Знаменский „Смертники“, журн. Каторга и ссылка № 7, 1921 г., стр. 71.

передвижения: из тюрьмы его везли на автомобиле до пристани, с пристани до Кронштадта на пароходе и отсюда пешком вели к месту казни у пороховых погребов.

При такой торопливости поскорее и без шума увести из тюрьмы осужденного, его уводили и увозили даже не одетого, почти голого. Таким образом вешали и расстреливали раздетых людей. Так был казнен лейтенант Шмидт, несмотря на то, что расстрел производился далеко за пределами города, на острове Березань, на виду у войск: он был без фуражки, с непокрытой головой, в одном белье. Напомним, что инструкция 1879 г. о порядке производства казни предписывала одевать приговоренных в арестантское платье черного цвета, надевать на них фуражки без козырьков и вешать на грудь черную доску с надписью на ней совершенного преступления. На досках, висевших на груди первомайцев, было крупными буквами написано „цареубийца“.

Но роли переменялись: теперь в лицо самим исполнителям казни народ кричал: „палачи, убийцы!!“. Это кричала вся тюрьма каждый раз, когда из-за ее стен брали на казнь заключенных. Это кричали у виселицы сами казнимые, как свои последние слова. В 1906 г. это кричала в лицо царским министрам и главному военному прокурору Павлову вся государственная дума, прогнав его этими криками с трибуны и из думского зала. Но, как верно сказал один публицист, „палача выгнали из думского зала, но страна осталась в его власти“¹.

Иногда казненные имели на себе, вместо арестантской одежды, свое собственное платье. Известны случаи, когда палачи, после совершения казни, снимали с повешенных их обувь и одежду. Так палач, повесив Васильева (по делу о лишении жизни генерала Козлова), обшарил его карманы, вынул из рубашки запонки, снял с казненного пальто и надел его на себя...

Необходимую принадлежностью приговоренного к казни был ранее белый саван. Он надевался на голову и закрывал все тело почти до колен. Потом стали заменять саваны простыми мешками и, наконец, вешали с открытым лицом. В таких случаях свидетели казни могли видеть все судорги лица казнимого, наблюдать всю агонию смерти, наслаждаться, если они этого хотели, страшною картиною смерти через удушение.

Статья 963 устава уголовного судопроизводства давала точный перечень этих свидетелей. На первом месте она упоминала „духовное лицо“. Оно должно было напутствовать казнимого „к открывающейся перед ним в ином мире новой жизни“. Большинство приговоренных отказывались от такой „помощи“ этого участника казни. На втором месте закон перечисляет, как обязательных свидетелей казни: 1) лицо прокурорского надзора, 2) начальника местной полиции, 3) секретаря (суда), 4) врача и 5) начальника места заключения, если казнь производится в пределах тюремной ограды.

Кроме названных лиц, устав уголовного судопроизводства (ст. 963, пункт 5 й) допускал присутствие при казни также защитника и „местных обывателей в числе не более 10 человек“. Нам неизвестно ни одного случая присутствия защитника при казни и мы знаем лишь один случай, когда „местные обыватели“ в числе около двух десятков человек из монархической организации союза русского народа присутствовали при казни Богрова (по делу убийства Столыпина) в Киеве. Кстати сказать, эти представители „общественности“ вели себя при казни так, что прокурору пришлось призывать их к порядку.

Конечно, кроме перечисленных лиц, при казни присутствовали в том или другом числе полицейские, жандармы, воинские чины или тюремные надзиратели. Присутствие всех этих „свидетелей“ не останавливало палача от совершения актов настоящего мародерства—ограбления повешенных, и до нас не дошло сведений, что бы блюстители закона в лице присутствовавших прокурора, начальника полиции, секретаря суда и проч. останавливали эти акты.

Вообще „работа“ палачей проходила не без инцидентов. Ушерович приводит в своей книге случаи, когда повешенные выскальзывали из петли веревки, когда веревка обрывалась, когда она оказывалась слишком коротка, когда палач, забывший захватить табуретку, на которую он ставил приговоренных для надевания петли, бегал за этой табуреткой...

Нередкие случаи выскальзывания повешенного из петли и обрывания веревки приводили к повторению палачами всей процедуры удавления. Но автор книги сообщает случай, который закончился несколько иначе. Он имел место в Верхнеудинске во время действия карательной экспедиции (12 февраля 1906 г.). Повешение совершалось публично. Повешенный Милютинский, сорвавшись с петли, упал на землю и кричал: „я жив?“. Народ бросился к нему с криками: „не виновен!“. Натиск толпы был остановлен залпом по ней, а Милютинский, был застрелен из винтовок солдатами. Но он был не единственный человек, который подвергся одновременно двум видам казни—через повешение и через расстреляние. Участник карательной экспедиции офицер Гулевич выступил в роли палача-любителя. Он повесил Гордеева. Веревка оказалась настолько длинной, что повешенный касался ногами земли. Начались страшные судорги. Солдат, присутствовавший при казни, не выдержал этих мук и пристрелил Гордеева из ружья...

Говоря о технике повешения в последние годы существования этого способа казни, следует отметить приводимые автором книги неоднократные случаи, когда палачи превращались лишь в созерцателей совершающегося на их глазах самоповешения осужденных.

Самоубийством на виселице перед лицом всех чинов, перечисленных в ст. 963 уст. уг. судопр., кончили свою жизнь

Коноплянникова, Лордкипанидзе с пятью товарищами, Гольдсобель, Иванов-Каплун, Исаков с шестью товарищами и др.

В таких случаях приговоренные к казни сами всходили на скамью или табуретку под виселицу, сами надевали себе на шею петлю веревки, сами вышибали скамью из под своих ног...

Чем объяснить акты такого нередкого самоповешения? Я предполагаю, что здесь действовали два мотива. С одной стороны, осужденным было невыносимо противно всякое прикосновение к ним палача. С другой стороны, не отвечало активности многих революционеров превращение в пассивный объект казни, который палач покрывает мешком или саваном, возводит на табуретку, на шею которого надевает петлю и т. д. Здесь, в описанных актах самоповешения перед лицом всех представителей власти, происходила некоторая разрядка величайшей активности, присущей многим революционерам. Самый акт такой казни-самоубийства говорил о поразительнейшем самообладании, о полном презрении к смерти. Но вместе с тем эти акты были как бы новой угрозой врагу: „смотрите как умираем мы—революционеры. Смерть нас не страшит. За нами идут другие“... И эффект удивления администрации перед проявлением величайшего мужества смертников был всегда налицо. Допущение же администрации самоповешения, вероятно, объяснялось желанием избежать всяких инцидентов при казни палачем: боялись последней предсмертной борьбы, последнего отчаянного сопротивления осужденного об'ятым палача.

Описанные Ушеровичем картины удушения, самоповешения и проч. совершались, за самыми редкими исключениями, по ночам, то в полной темноте, то в предрассветных сумерках наступавшего дня, то при свете луны, или мерцании тусклой лампочки фонаря, или в зареве горевших факелов...

Читатель найдет в книге ряд описаний расстрелов и на примере этих описаний он сможет воочию убедиться, насколько праздны, неуместны, нелепы нередкие вопросы: „что лучше: повешение или расстрел?“. Пусть читатель прочтет, как расстреливали под прикрытием пушек лейтенанта Шмидта с его товарищами, как под дулами пулеметов матросы расстреливали 17 восставших товарищей, как заставляли осужденных самих копать свои могилы, какая кровавая бойня была при расстреле 42 осужденных, когда их на глазах друг у друга убивали у братской могилы одних за другими и по пять человек... Барабанным боем заглушали последние слова расстреливаемых². Барабаны их заглушали. Но разве они, неслышные, все же не дошли до нас? Разве и теперь, спустя десятки лет, спустя даже сотню лет, не звучат они, эти крики из сдавленного веревками горла, из простреленных грудей, как гром? Эти крики и последние

¹ Журнал „Право“ 1916 г., № 13, хроника, стр. 823.

² См. описание казни под звуку барабанного боя в воззвании по поводу казни в Свеаборге „Революция и РКП(б)“. Том IV, 1925 г., стр. 316.

слова были такие же, какие были собраны автором и воспроизведены им во многих местах его книги.

При чтении разделов книги о палачах и технике казни читателю придется пережить чувства негодования и отвращения. Но что же должны были испытывать те, кто попадал в руки палачей, на ком производились все описанные технические приемы повешения и расстреливания? Ответ на этот вопрос дают последние слова и письма казненных.

* * *

Последние слова и письма казненных, собранные Саулом Ушеровичем с большою тщательностью и в значительном количестве, дают возможность нарисовать нравственную личность умирающего революционера, выявить его духовный облик, раскрывающийся перед нами в его необъятной широте и не изъяснимой красоте на узких и безобразных подмостках эшафота.

В потемках ночи казни нам светит лучезарным блеском сам казнимый. Он светит так ослепительно ярко, что мы уже не видим ни виселицы, ни палача, ни других исполнителей казни и не можем, не в силах оторвать глаз от него, отдающего свою жизнь...

Всего один день прошел с того момента, когда у сада михайловского дворца по Екатерининскому каналу с оглушительной силой пушечных выстрелов взорвалась сначала одна, а потом и другая бомба, разорвавшая и того, в кого она была брошена, и того, кто ее бросил. Место взрыва еще оцеплено полицией. Там еще ищут вещественных доказательств, еще не знают ничего достоверного. На месте задержан только один, бросивший первую бомбу.

А в одиночном каземате Петропавловской крепости арестованный накануне взрыва заключенный уже спешит написать свое заявление прокурору судебной палаты. Оно настолько же кратко, насколько решительно и сильно. Заключенный писал в нем: „было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, если намерены казнить Рысакова. Меня очень беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости и украсит корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня, ветерана революции...“ Под заявлением подпись — Андрей Желябов.

В этих нескольких строках с удивительной яркостью вылился образ не только самого Желябова, но и тип всегда готового к смерти титана-революционера эпохи героической борьбы с царизмом. В тиши своей одиночной камеры Андрей Желябов уже слышит как стучит топор строящейся виселицы и уверенный, что не минует ее Рысаков, требует виселицы для себя „ветерана революции“.

¹ Более подробно я останавливался на теме о психологии революционера перед казнью в статье, напеч. в журн. „Право и жизнь“, 1922 г., № 3.

Таков был пролог по делу суда 1 марта 1881 г. На скамье подсудимых оказалось шесть человек, и пятеро из них не сделали ни одного шага назад. Поразительны спокойствие Желябова и его товарищей, удивительны ясность их ума, незатемненность ни предварительным заключением, ни неизбежностью неминуемого осуждения к смерти.

Они защищают не себя, а дело партии. Вот почему, отвечая на попытку прокурора изобразить народовольцев кровожадными тиграми, Кибальчич, говорит о вынужденности убийства, а Желябов приглашает судей заглянуть в отчеты о политических процессах, в „эту книгу бытия“. „Там, говорил он, вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность — розовая, мечтательная и если она прошла, то не мы тому виною“.

3 апреля 1881 г. палач в исполнение приговора суда украсил корону нового монарха пятью трупами.

Уходившие из жизни первомартовцы как будто, закрепляли слагавшиеся уже и ранее традиции, как надлежит вести себя революционеру перед лицом смерти. И как много оказалось тех, кому выпало на долю поддержать эти традиции на их пути к смерти.

В печати имеется описание казни Балмашева в 1902 г. Разбуженный в его камере Шлиссельбургской тюрьмы в 4 часа ночи, чтобы идти на казнь, он отказывается от исповеди, подходит к окну и стоит у него несколько времени, молча смотря на небо и, оборачиваясь к пришедшим за ним, говорит: „Я готов“.

„Я готов“. „Я готова“. Эти слова с полным правом могли быть сказаны многими не только в лицо палачам, но часто задолго до ареста. Недаром Перовская писала в своем предсмертном письме матери: „Я о своей участи нисколько не горюю. Совершенно спокойно встречаю ее, так как давно и ожидала, что рано или поздно, а так будет“.

В одних случаях спокойная, холодная, заранее и долго продуманная решимость, если потребуется, то и умереть. В других несдерживаемо, бурно рвущаяся наружу, горячая радость предстоящему концу. Различны не готовность к смерти, а отношение к ней, объясняемое больше всего различиями темперамента. Так В. Н. Фигнер, вспоминая свои переживания в связи с приговором к смерти, думает, что „изжив все свои силы, она едва ли была бы одушевлена энтузиазмом, но если приговор был бы приведен в исполнение, она умерла бы с полным самообладанием“. „По настроению, говорит она, я была готова к смерти“.

Другое настроение было у Волькенштейн. Сравнительно с Желябовой, Перовской, — этими ветеранами революции, она еще новичок. По характеру она вся — порыв и стремление. Получив обвинительный акт и встретив там имя Фигнер, с которой она еще ни разу не встречалась в жизни, она прикладывает губы к этому имени. Она преисполнена радости стоять

рядом с нею. Она весело разговаривает с соседом по скамье обвиняемых, и председатель суда делает ей неоднократные замечания: „Подсудимая Волькенштейн, перестаньте смеяться“. Когда ей в числе других вынесли смертный приговор, один из защитников довольно громко произнес: „Какой варварский приговор! Бедная Волькенштейн“. А у „бедной“ Волькенштейн „было такое светлое и ясное лицо“.

Точь в точь как Муся в рассказе Андреева „О семи повешенных“: „И несказанная радость охватывает ее. Нет ни сомнений, ни колебаний, она принята в лоно, она правомерно вступает в ряды тех светлых, что из века через костер, пытки и казни, идут к высокому небу. Ясный мир и покой и безбрежное, тихо сияющее счастье. Точно отошла она уже от земли и приблизилась к неведомому солнцу правды и жизни, и бесплотно парит в его свете“.

Мне хочется привести еще одно свидетельство о том сиянии, которым светит казнимый. По делу якутского восстания 1889 г. к смертной казни были приговорены Зотов, Гайсман и Коган-Бернштейн. Может быть потому, что казнь совершалась в далекой Сибири, родные осужденных были допущены для прощанья в их камеры и проводили с ними время до самой казни.

С. Ушерович приводит письма самих казненных. В заграничной и русской прессе появилось письмо жены Зотова. Она провела с ним время с 9 час. утра до 4 час. ночи, когда была совершена казнь. Поседевший после приговора он однако весело играет и бегаёт с шестилетней дочерью, шутит с нетрезвым помощником смотрителя и так искренно смеется, что трудно поверить, что он с часу на час ждет исполнения приговора. По его просьбе жена читает ему книгу Короленко, связанную для них со многими дорогими воспоминаниями. Он видел строящуюся виселицу. В три часа его переодели в казенную одежду. Только на несколько минут переодевания лицо его было „ужасно мученическим“. Но переодетый он подошел к жене с улыбкой, говоря: „Я уже готов и чувствую себя очень спокойно, светло, и смогу, вероятно, даже сам надеть петлю“. И жена пишет о „свете“ его лица „мне кажется, что невозможно передать словами выражение этого лица в те моменты: надо было видеть, чтобы понять это чистое, светлое, выражение“.

Светит Желябов до суда из казематов Петропавловской крепости. Светит сияющая радостью на суде Волькенштейн. Светит после приговора к казни, перед самым ее исполнением, Зотов...

Неугасимый свет на жертвеннике русской революции — на эшафоте виселицы. Не могут погасить его ни торжественные публичные казни на площади города, ни многие казни на задворках тюрем. Не могут загасить его даже страшные муки расставания приговоренных с их родными и близкими.

Смерть не страшна. Своей жизни не жаль. Жаль остающихся в живых. Мучит и давит не петля веревки палача, а сознание причиняемого близким людям горя. Пусть читатель перечтет приведенные в этой книги письма Перовской к матери, Зотова к отцу, Каляева к матери и др., и он увидит, как, то открыто и бурно, волнуясь и спеша, то сдержанно и осторожно, стараясь скрыть свои чувства, пишут приговоренные о своих муках от сознания причиняемых их родным и близким страданий. Уходящие из жизни уверяют остающихся жить, что они счастливы. „Может ли быть более счастливая смерть?“ спрашивает Бернштейн, „я умру на том месте, где пристойно в наше время умирать честному человеку“. „Нет смерти почетнее“, говорил А. И. Ульянов. „Я счастлив, клянусь вам, я не лгу. Как горячей волной смыло с меня в эти минуты всю душевную нечисть, всю ложь“, писал в своем предсмертном письме у подножья виселицы Пуликов. „Есть времена, есть целые века, в которых нет ничего достойнее и краше тернового венка“, писал своим родным А. Д. Михайлов, успокаивая их перед своею казнью.

И все таки страдания не страшили.

Суд кончен. „По указу его императорского величества“ объявлен подсудимым приговор: „смертная казнь через повешение“. Жить остается очень недолго, но достаточно: для того, чтобы перед лицом теперь уже неизбежной смерти подумать о спасении своей жизни. Для спасения жизни остаются только два средства — обжалование приговора и просьба о помиловании. Но революционная этика не допускает этого. Час за часом истекал срок для обжалования и приближался момент вступления смертного приговора в силу. История знает ни один случай, когда в камеру приговоренного к смерти приходили представители власти, убеждая смертника подать просьбу о помиловании и обещанное удовлетворение. Они уходили, не достигнув успеха. Получалось странное положение: представители власти оказывались в положении „просителей“ у приговоренного к казни, а приговоренный отвергал их просьбы о собственном своем помиловании. В. Н. Фигнер вспоминает, как после приговора к казни смотритель дома предварительного заключения передал ей о желании Штромберга, приговоренного, как и она, к смертной казни, узнать ее мнение относительно подачи просьбы о помиловании. Она отвечала, что не советует другим делать то, чего, ни при каких условиях, не сделала бы сама. Сохранилось и другое воспоминание о Штромберге: один из товарищей по процессу спросил его, будет ли он подавать просьбу о помиловании? Штромберг, улыбаясь, отвечал ему: „Я не грамотный!!“. Так он смеялся в лицо смерти и был казнен.

Несмотря на отказ от подачи просьб о помиловании, в некоторых случаях казнь заменялась другими наказаниями и автор этой книги выделил их в особую главу. Иногда

объявление о состоявшемся помиловании обставлялось некоторой торжественностью, но всегда протекало не мало долгих дней и еще более долгих ночей в ожидании казни. Как будто дух осужденного должен был быть истерзан томительной неизвестностью и пыткой ожидания прихода палачей. В воспоминаниях оставшихся в живых революционеров мы не находим свидетельств об испытывании ими особой радости, когда гонцы царской милости возвещали им о замене казни пожизненным заточением, бессрочными каторжными работами или долгосрочными. Наоборот, мы знаем о тревоге и возмущении осужденного, когда ему было объявлено о замене казни каторжными работами всего на десять лет: его беспокоила мысль, чтобы этот редкий в истории случай смягчения наказания (Манучарову) не вызвал бы предположения, что он вел себя на суде не так, как требовала революционная совесть. Лучше смерть, лучше пожизненная каторга, чем каторга на десять лет и возможность возникновения у кого-нибудь хотя бы необоснованной мысли, что осужденный отступил от традиции смерти на эшафоте.

Вот почему революционеры „неграмотные“ для подачи просьб о помиловании, предпочитали обращаться не к царю, а к товарищам по партии, призывая их на борьбу с царизмом за дело революции.

Говоря словами Феликса Кона, напечатанными им еще более четверти века тому назад в его воспоминаниях о казни осужденных по процессу польской социалистической партии „Пролетариат“, „политически-мертвые вызывали на борьбу живых и слово их было подхвачено на лету“... Письмо, о котором говорит Феликс Кон, было напечатано в десятках тысяч экземпляров¹.

Читатель найдет в книге С. Ушеровича эти призывы на борьбу революционеров разных партий разных периодов революционного движения и он согласится с автором, отмечающим, какой глубокой верой в победу рабочего класса, в торжество революции были проникнуты эти обращения к товарищам.

На этом я заканчиваю свое предисловие к книге С. С. Ушеровича.

Я не имел возможности остановить внимание читателей на всех вопросах, затронутых автором. Я остановился несколько подробнее лишь на том, что казалось мне наиболее существенным. Но в действительности, в этой книге о смерти все важно. И как не быть важными даже всяким мелочам, если они связаны с жизнью и смертью тех, кто своею кровью вписал свои дела в историю российской, а вместе с тем и мировой революции?

¹ Ф. Я. Кон. У подножья виселицы. Журнал „Былое“ 1906 г., № 8, стр. 136.

Многие из имен, стоящие в списках С. С. Ушеровича, уже давно и широко известны. Еще более таких имен, которые неизвестны. Но неизвестные каждое в отдельности эти тысячи имен дают все вместе одно великое, славное имя. Это имя — пролетариат.

Книга С. С. Ушеровича продиктована интересами носителя этого славного имени, она служит его интересам и в этом ее большая ценность.

Мих. Гернет.

1933 г., 15 июля.

ВВЕДЕНИЕ

Второе, русское, издание выходит со значительными изменениями и дополнениями, относящимися к эпохе царских казней по политическим процессам: по „суду“ (1824—1917 гг.) и расстрелов карательными отрядами без „суда“.

И это издание с исчерпывающей полнотой не охватывает весь материал, относящийся к казням участников революционного движения. С максимальной полнотой собраны сведения о подвергнутых казням с 1824 по 1905 гг. стремление же наше дать также с исчерпывающей полнотой материал, относящийся к эпохе массовых казней 1905—1912 гг. не оправдалось, т. к. оно является почти невыполнимым.

Фалеев, в своем очерке „Шесть месяцев военно-полевой юстиции“ („Былое“ 1907 г., № 2), так описывает затруднения, в результате которых не представлялось возможным собрать близкий к истине материал, относящийся к недавней эпохе казней:

„Будущий историк поставлен в трудное положение. Есть материал характера административного, распорядительного, — нет протоколов, приговоров. Все это разбросано в разных местах России по отдельным войсковым частям. Сообщения телеграфных агентств не всегда верные, но всегда недостаточно ясные — единственный материал, доступный восприятию. При введении полевых судов предполагалось, что материалы будут опубликованы и об этом сообщалось в полу-официальной печати. Но потом нашли, что это будет излишним, и теперь потеряны все средства, чтобы установить точное положение дел военно-полевой юстиции...“

И только воспоминания живущих друзей, сопроцессников и родных казненных, а также и материалы, опубликованные в нашей прессе после Октябрьской революции, до некоторой степени заполняют те пробелы, которые имеются в связи с отсутствием дел военно-полевой юстиции.

Тема в некоторой степени детально разработанная нами относится к казням, начиная с 1824 г., т. е. с момента расстрела 20 рабочих на Урале. Казни этой группы рабочих предшествовал „суд“, приговоривший их к смерти.

Мы отмечаем в книге казни по „суду“ и по действиям карательных отрядов, не останавливаясь детально на массовых казнях,

которые совершались в период царствования Михаила, Алексея за „измену“, Петром „Великим“ за восстание стрельцов, а также не останавливаемся на массовых казнях и варварском истреблении людей Иоанном Грозным и другими русскими царями до 1824 г.

Списки казненных с 1826 по 1917 гг. вложены в десятом очерке этой книги в алфавитном порядке, за исключением списка 20 рабочих, казненных 2 октября 1824 г., имена которых, к сожалению, для истории не сохранились.

Перечень казней мы начинаем с декабристов (1826 г.).

Выступление декабристов на Сенатской площади в Петербурге в 1825 г. и в ряде других городов южной России не было связано с протестом против отдельного царя, а носило характер восстания против царизма вообще, ибо декабристы выступили за новые демократические формы правления страной. Эти восстания кропотливо и планомерно подготавливали лучшие представители военной молодежи той эпохи в подпольных (тайных) организациях.

Первая подпольная организация была создана в 1814 г. под названием „ордена русских рыцарей“. Последующая тайная организация называлась „союз спасения“ и основана была в 1816 г. Спустя два года эта организация переименовалась в „общество истинных и верных сынов отечества“, „союз благоденствия“ и „общество объединенных славян“. Северные и южные организации, они же тайные общества различных наименований, несмотря на большие расхождения в своей тактической деятельности были охвачены одним общим девизом: „уничтожить крепостной режим, уничтожить самодержавие любой ценой вплоть до царевубийства“.

Следует отметить, что из всех наименований, декабристов, самым революционным из них явилось „общество объединенных славян“, опиравшееся на массу революционно-настроенной мелкой буржуазии, обедневшего офицерства.

„Общество объединенных славян“ выставляло категорическое требование отмены крепостного права, свержения самодержавия и провозглашения федеративной республики славянских народов, населяющих Россию, и этим считало возможным общество уничтожить национальное угнетение.

Декабрист Борисов (осужденный к смертной казни отсечением головы, замененной каторгой без срока и умерший в Сибири), член общества объединенных славян, в своих показаниях следственной комиссии о целях общества показал, что эта организация стремилась к тому, чтобы „все славянские народы, из которых каждый должен принять конституцию, более для него соответствующую, были бы связаны между собой федеративной связью“.

Восстание декабристов готовилось на 1826 г., но воспользовавшись скоропостижной смертью Александра I и происшедшим замешательством в правительственных сферах, декабристы вы-

вели преданные им войска 14 декабря 1825 г. в Петербурге на Сенатскую площадь и восстали против правительства. Выступивший против восставших петербургский генерал-губернатор Милорадович был убит.

Многочисленные массы народу были на стороне восставших. Тогда Николай I выдвинул против восставших гвардейскую кавалерию и открыл орудийный огонь. Восставшие полки также ответили огнем, толпы народа рабочих, поддерживая восставших, забрасывали царское войско камнями и поленами. К ночи восстание было жестоко подавлено. Аналогичный случай произошел на юге России в Черниговском полку, и там также восстание декабристов было подавлено 3 января 1826 г. Сколько было убитых и раненых среди восставших декабристов и сочувствовавшего им народа истории неизвестно.

В июне 1826 г. состоялся „суд“ над декабристами. Царь Николай заблаговременно лично определил количество лиц, подлежащих казни, и даже сам подобрал место казни. Судилище кончилось приговором, по которому 31 человек были приговорены к отсечению головы и пятеро (Пестель, Муравьев-Апостол, Каховский, Рылеев и Бестужев-Рюмин) были приговорены к четвертованию. Отсечение головы потом заменили каторжными работами, четвертование — повешением.

13 июля 1826 г., в 4 часа утра, перечисленные пять декабристов были повешены (см. главу „Техника казней“). Некоторым декабристам суд вынес следующий приговор:

„Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского, как злоым действиям их сообщников, возмутителя Сергея Муравьева-Апостола, подлежащим смертной казни, а сообщников Муравьева, Кузьмина, Щипиллу и Муравьева-Апостола (Ипполита), участвовавших в возмущении, но убитых на месте поражения, из списков исключить, как изменников, на могилах их крестов и других памятников не делать, но, поставя виселицу к вечному их посрамлению, прибить под оною имена их“.

На этом приговоре царь начертил:

„Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского поставить в г. Василькове при собрании команд 9 пехотной дивизии под виселицу и потом отправить на каторжную работу вечно. К той же виселице прибить имена убитых Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, как изменников, по выключении их из списков“.

Разумеется все это было выполнено в точности. Многие из оставшихся в живых участников декабрьского восстания не испугались репрессий. Декабрист Иван Сухинов, сосланный на каторжные работы в Горно-Зерентуйский рудник, подготавливал восстание находящихся на каторжной работе. Восстание прова-

лилось и Сухинов вторично был приговорен к смерти. Зная, что на этот раз ему не избежать казни, он сам лишил себя жизни.

В этом же году расстрелян рядовой солдат Семенов за руководство восстанием крестьян Таращанского уезда, Киевской губ. и 150 крестьян были избиты шпицрутенами и сосланы на каторгу.

Не мало жертв принесло на алтарь революции польское восстание в 1830 г. В правительственном сообщении от 4 сентября 1834 г. значится поименно приговоренных к повешению 249 человек, в том числе и знаменитый польский историк Лелевель, и приговоренных к отсечению головы—9 человек. Но эти 258 человек, обреченных на смерть, успели скрыться из Польши и выехали за границу. Царская реакция особым приказом предупредила политических эмигрантов, что „если кто либо из них явно или тайно появится в пределах Российской империи, то с ними будет поступлено по всей строгости полевого уголовного уложения действующих армий“.

Некоторые участники польского восстания, не успевшие выехать за границу, заплатились своею жизнью и были казнены в ноябре 1833 г.: Зевиш, Лампит, Сеголец, Шпек, Войткевич, Заионц, Мороз, Винницкий и Добшковский.

Подготовка нового восстания в Польше в 1839 г. окончилась казнью Симона Канарского и позже—в 1846 г.—казнью Потоцкого, Жарского и Косцашевского.

Жестокие репрессии, сыпавшиеся на голову тогдашней передовой интеллигенции, не остановили ход борьбы революции. В 1849 г. в „Русском Инвалиде“ (№ 276) опубликовано следующее правительственное сообщение о процессе „Петрашевцев“:

„Михаила Буташевича - Петрашевского, за преступный замысел к ниспровержению существующего в России государственного устройства, привлечение на бывшие у него сходбища разного рода большей частью молодых людей, богохуление дерзкими словами против священной особы государя императора, превратные толкования правительственных мер и порицание государственных лиц и наконец за покушение составить для той-же цели тайное общество,—подвергнуть смертной казни расстрелянием“...

И далее:

„Николая Спешнева за умышленное намерение произвести переворот в общественном быте России в отношении политическом и религиозном, за покушение для этой цели составить тайное общество и произнесение на собрании у Петрашевского речей против религии,—подвергнуть смертной казни расстрелянием“...

По этому же процессу были приговорены к смерти: писатель Достоевский, поручик Момбели, Григорьев, капитан Львов, студент Филиппов, Ахшарумов, Дуров, Ханыков, братья Дебу,

Толь, Ястржембский, поэт Плещеев, Капкин, Головинский, Пальм, Тимковский, Европеус, Шалопников.

Всем этим смертникам казнь была заменена каторгой и другими наказаниями, и узнали они об этом, когда уже стояли у столбов, одетыми в саваны.

Александр II свое вступление на престол озаменовал пышными фразами о реформах для России. Либеральное общество готово было поверить его „прогрессивным“ заявлениям и его „конституционным“ наклонностям. Но с первых дней его владычества конституционные иллюзии рассеялись как дым. Позже Александр II писал по этому поводу своему сыну (Александру III): „конституционные формы были бы для нас величайшим несчастьем“.

Но непрерывные стихийные восстания обездоленных крестьян заставляло правительство дрожать перед возможной, массовой крестьянской революцией или новой пугачовщины, гайдматчины.

Недовольство крестьян своим безотрадным положением выразилось не только в стихийных восстаниях, но и в поджогах, убийствах помещиков и их агентов. За десять лет до реформы 1861 г. было сослано в Сибирь 410 крестьян за террористические акты против помещиков. За это - же время насчитывается 559 крестьянских восстаний, из коих особенно внушительным явилось восстание крестьян Витебской губернии, о чем историк М. М. Покровский так сообщает:

„В движении приняло участие около 10.000 человек. Приготовляясь к выступлению, крестьяне добывали оружие, покупали порох, выливали пули, перековывали лемехи на пики. Полиция, пробовавшая их остановить, понесла полное поражение. Поражение потерпели и небольшие военные отряды. По свидетельству очевидцев, крестьяне шли придерживаясь всех военных правил. Впереди шла партия мужчин в 150 чел., вооруженная палками, косами и т. д. По бокам, в середине и в хвосте шли тоже вооруженные люди. Чтобы подавить это движение, пришлось отправить целый полк пехоты и несколько сотен из других полков“.

Крымская война еще больше взбудоражила миллионные крестьянские массы и восстания усилились. Возросли восстания на Киевщине, вошедшие в историю под названием „киевской казаччины“. Это крестьянское движение продолжалось три месяца и проходило весьма организовано. Восстание было жестоко подавлено силами шестнадцати эскадронов драгун, двух саперных рот, батальона егерского полка и дивизионом артиллерии. Война и непрерывные восстания в разных областях заставили правительство поспешить с об'явлением манифеста об „освобождении“ крестьян от крепостной зависимости ибо... „лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться

того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу“, — как заявил Александр II московскому дворянству. 19 февраля 1861 г. был издан манифест об уничтожении крепостного права.

Владимир Ильич так характеризует этот период:

„Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков...

Крестьян „освобождали“ в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти „освободители“ так повели дело, что крестьяне вышли на „свободу“ ободренные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам...

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после „освобождения“ такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу“... (Ленин, т. XI, ч. II, стр. 220. „Пятидесятилетие падения крепостного права“, изд. 1924 г.).

Крестьянство поголовно встретило акт о „воле“ враждебно, убедившись, что „освобождение“ есть новая кабала в ином облачении. Провести манифест в жизнь были уполномочены генерал-губернаторы, которые докладывали царю о настроениях в крестьянских массах после оглашения манифеста. Так, генерал Веймар доложил, что он засек розгами 20 человек за непризнание манифеста. Розгами пытались внушить любовь к новой „воле“.

Ответом на розги и на манифест явились восстания, вспыхнувшие с новой силой, так: с 1861 по 1863 г. г. было 1100 крестьянских восстаний в 76 губерниях и областях. Крестьянин Антон Петров через два месяца после „освободительного“ манифеста выступил с речью перед крестьянами села Бездна, Казанской г., в которой он настаивал на восстании и отобрании земли у помещиков.

Через два дня Петров был схвачен и расстрелян. Вместе с ним расстреляны несколько сот восставших крестьян и несколько тысяч выпороли розгами.

Александр II шел по кровавым следам своего родителя, что видно из дальнейшей хронологии расстрелов и казней.

В 1862 г. правительство расстреливает Ивана Арнольда, Петра Сливичко и Ростковского уже не за восстание, а „за хранение и распространение между нижними чинами (солдатами) брошюр возмутительного содержания“, а схваченный с нелегальной книжкой солдат Щур был прогнан сквозь строй и до смерти забит палками.

В том же году в знак протеста против массовых жертв и издевательств над польскими повстанцами революционеры Рилль и Ржонцы покушаются на жизнь наместника в „царстве польском“ маркиза Велепольского. 14 августа 1862 г. Рилль и Ржонцы подвергнуты казни.

Однако, казни не остановили активных революционных действий.

Лучшие представители интеллигенции шестидесятых годов пришли к выводу, что для успешной борьбы с самодержавием нужно поднять (как тогда выражались) народ, и офицер Ушаков делает попытку связаться с фабричными рабочими, распространяя среди них революционную литературу, за что приговаривается к расстрелу, замененному каторгой.

В 1864 г. по „Казанскому заговору“ расстреляны: Иваницкий, Мрочек, Станкевич - Стахевич, Черняк и Киневич.

Из среды революционного студенчества шестидесятых годов выделился Дмитрий Каракозов, принявший решение низвергнуть тирана путем цареубийства. Покушение Каракозова произошло 4 апреля 1866 г. Выстрелив в царя во время прогулки последнего, Каракозов промахнулся. Это было в России первое покушение на цареубийство.

Царь Александр II через князя Гагарина сообщил Каракозову, что „прощает его как христианин, но вешает как государь“.

3 октября 1866 г. Дмитрий Каракозов был повешен.

По делу „каракозовцев“ был приговорен к смерти Ишутин (двоюродный брат Каракозова), которому казнь была заменена каторгой, о чем ему объявили уже на эшафоте, после того, как над ним был проделан весь обряд, сопутствовавший казни. В том же году за участие в польском восстании казнены Вашковский, Шафранчик и расстреляны 1500 человек, имена коих до сих пор не установлены.

В Забайкальи, на строившейся Кругобайкальской дороге, было поднято восстание среди сосланных туда польских повстанцев. За это восстание были казнены: Вайнер, Шарамович, Целинский, Котковский и Елиашевич.

С 1878 г. начинается новая полоса казней, главным образом, активных деятелей членов партии „Народной Воли“. За сопротивление жандармам в Одессе 2 августа 1878 г. казнен Иван Мартынович Ковальский, при чем солдат Лядин был осужден к 20 г. каторги за то, что во время неудачной стрельбы при сопротивлении Ковальского крикнул: „да разве так надо стрелять“.

Весь 1879 г. является годом отчаянной борьбы, редчайшим поединком по обе стороны баррикад: с одной стороны—царь-тиран со всей системой царизма, с другой—героическая группа в несколько десятков человек. Как утверждают современники тогда действовало „два правительства“: царь и его министры и Исполком „Народной Воли“ и его агенты. С апреля 1879 г. по

1 марта 1881 г. на Александра II было произведено восемь покушений и на девятое его удачно взорвали.

Выстрел Соловьева 2 апреля 1879 г. в Александра II настолько испугал царя, что он около месяца не выходил из Гатчинского дворца и по этому поводу ходила в народе поговорка о том, что „царь—пленник Гатчины“.

Вслед за выстрелом Соловьева энергично заработал военный суд и эшафот. В 1879 г. повешены: Дубровин в Петербурге, Антонов, Брандтнер и Осинский в Киеве.

„Наше дело, — писал Осинский своим друзьям перед казнью, — не может никогда погибнуть и эта то уверенность заставляет нас с таким презрением относиться к смерти“.

В том же году, в Киеве, казнены: Горский, Вильчанский, Федоров-Гобст; в Одессе — Чубаров, Лизогуб, Давиденко, Дробязгин, Майданский и Малинка; в Николаеве — Виттенберг и Логовенко.

В ответ на массовые казни террористическая фракция „Народной Воли“ неустанно изыскивает новые пути к умерщвлению Александра-вешателя и 5 февраля 1880 г. в 7 часов вечера, во время торжественного обеда произошел большой силы взрыв. Зимний дворец погрузился во мрак. Взрывом было убито 10 солдат и до 50 ранено. Александр уцелел. Взрыв был сделан членом партии „Народной Воли“, рабочим-революционером Степаном Халтуриным, поступившим в Зимний дворец столяром под именем Степана Батюшкова.

Ответом на взрыв в Зимнем дворце явились новые казни членов партии „Народной Воли“. В 1880 г. повешены: в Петербурге — Млодецкий, Квятковский и Пресняков; в Киеве — Розовский и Лозинский, при чем Розовский был казнен только за то, что хранил у себя несколько прокламаций. Каждая новая казнь вызывала еще больший подъем и активность среди актива партии „Народной Воли“ и 1 марта 1881 г. ознаменовывается крупным террористическим актом убийством царя-зверя, Александра-вешателя.

Члены Исполнительного комитета партии „Народная Воля“ А. В. Якимова и др. так передают подробности взрыва царя:

„Наступило 1 марта 1881 г. Были расставлены сигналисты и метальщики. Главное руководство сосредоточивалось в руках

Игнатий Гриневицкий
до покушения на царя—
1 марта 1881 г.

(Центр. музей Кагорги и ссылки)

С. Л. Перовской. В час дня Александр II выехал из Зимнего дворца. При приближении царя замирало уличное движение, каменели фигуры конных жандармов. Еще мгновение—и по сигналу М. Ф. Фроленко должен был сомкнуть электрические провода для взрыва мостовой в подкопе по Малой Садовой улице. Но царская карета миновала Садовую и двинулась к манежу... По указанию Перовской метальщики заняли новые

Игнатий Гриневицкий, погибший от снаряда, брошенного им в царя Александра II 1 марта 1881 г.
(Центр. музей Каторги и ссылки)

позиции по Екатерининскому каналу... В сопровождении конных казаков, полиции и жандармов царская карета промчалась по набережной... Неожиданно раздался оглушительный взрыв, задребезжали стекла, улица окуталась дымом: это была первая бомба, брошенная Н. Рысаковым. Задняя сторона кареты была разрушена, но царь остался невредимым. Он вышел из кареты, направился к арестованному метальщику и произнес: „слава богу“. „Еще слава-ли богу?—ответил ему Рысаков и в это время с противоположной стороны полетела вторая бомба. Царь оказался смертельно раненым и вечером умер во дворце“...

Игнатий Гриневицкий бросил вторую бомбу, от которой и сам оказался смертельно раненым и вечером 1 марта умер от ран. Заслуживают внимания отрывки из завещания Гриневицкого, написанного им за несколько дней до своего трагического конца: „... Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Мне или другому кому придется нанести страшный последний удар, который гулко раздастся по всей России и эхом откликнется в отдаленнейших уголках ее,—это покажет недалекое будущее. Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его враги, его убийцы... Что же будет дальше?

Много ли еще жертв потребует наша несчастная, но дорогая родина от своих сынов для своего освобождения? Я боюсь, меня, обреченного, стоящего одной ногой в могиле, пугает мысль, что впереди много еще дорогих жертв унесет борьба, а еще больше последняя смертельная схватка с деспотизмом, которая, я убежден в том, не особенно далека и которая зальет кровью поля и нивы нашей родины, так как увя—история показывает, что роскошное дерево свободы требует человеческих жертв.

Мне не придется участвовать в последней борьбе. Судьба обрекла меня на раннюю гибель и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своею смертью сделаю все, что должен был сделать, и больше от меня никто, никто на свете, требовать не может.

Дело революционной партии—зажечь скопившийся уже горючий материал, бросить искру в порох и затем принять все меры к тому, чтобы возникшее движение кончилось победой, а не повальным избиением лучших людей страны..“

Александр III унаследовал все черты своего отца. Он начал свое царствование пятью виселицами, по примеру своего деда Николая I, давши такую инструкцию правительствующему сенату: „судить убийц родителя и всех повесить“,—что и было выполнено в точности.

3 апреля 1881 г., между 9 и 10 час. утра, на Семеновском плацу, в Петербурге, были повешены: Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов и Рысаков.

Редели ряды народовольческого актива: в 1882 г. казнены Халтурин и Желваков в Одессе, Неустроев—в Иркутске. Этот же год должен был завершиться казнью десяти человек (8 мужчин и 2 женщины): Михайлова, Колодкевича, Фроленко, Исаева, Емельянова, Лангаса, Тетерки, Суханова, Лебедевой и Якимовой. Приговор, вынесенный этим народовольцам, вызвал возмущение не только в России, но и за границей. Перед зданием русского посольства в Париже собралась тогда огромная демонстрация, требовавшая отмены дикой расправы над политическими пленниками. Виктор Гюго написал по поводу этого приговора специальное письмо. Все это заставило Александра III заменить казнь заключением в Шлиссельбургскую крепость всех, за исключением Суханова, которого все же казнили. Почти все осужденные там и погибли и лишь гг. Фроленко и Якимова дожили до наших дней.

1884 г. тоже не проходит без казней революционеров. В этом году были повешены Минаков, Рогачев и Штромберг.

В 1885 г. были казнены: Мышкин в Шлиссельбурге и Лисянский в Харькове.

Начало 1886 г. ознаменовалось казнью Осовского, Бардовского, Куницкого и Петрусинского в Варшаве. Осенью в этом же году казнен рабочий Ковалевский.

Внешне казалось, что Александру III удалось похоронить все живое, мыслящее и что он спокоен был за свой трон. Но это было далеко не так. Он бредил покушениями на него. В каждом придворном он видел „террориста“ и настораживался, не освобождая своей руки от револьвера в кармане. Историки отмечают, что однажды Александр встретил во дворце офицера Рейтера, который, увидев царя, спрятал за спину руку с папирсой. Царь принял Рейтера за „террориста“ и тут же, во дворце, застрелил его.

Опасения царя были не напрасны. Покушение на его жизнь подготавливалось. Во главе новой террористической организации стоял А. И. Ульянов (брат В. И. Ленина). Решено было царя взорвать бомбой 1 марта 1887 г. Несмотря на чрезвычайную конспирацию этой террористической группы, полиция выявила готовившееся покушение и вся группа была арестована. „Суд“ приговорил 15 человек к казни, из коих пятеро (Ульянов, Генералов, Андреюшкин, Осипанов и Шевырев) были повешены 8 мая 1887 г.

Осенью того же года казнено 5 крестьян из Пензенской губернии за аграрный террор. К сожалению, имена их неизвестны.

В 1889 г. за вооруженный протест ссыльных Якутской области казнены: Коган-Бернштейн, Зотов и Гаусман.

С 1891 по 1900 г.г. гражданскими судами в России не было вынесено ни одного смертного приговора, зато через военные суды было казнено 126 человек, имена коих также неизвестны.

Александр III, конечно, ошибся в своем расчете, что „частые виселицы отобьют охоту кое-кому крамолой заниматься“.

Рос и креп пролетариат, как класс, могильщик царизма и капитализма, которому предстояло покончить навсегда с тронами, царями и их последователями.

Предпоследнему царю сопутствовали три предмета: эшафот, розга и спирт. Он любил вешать, обожал порку и страстно пил. Пьянство быстро вело его в могилу. 20 октября 1894 г. Александр III сгорел от спиртных напитков.

Престол унаследовал последний из Романовых (Николай II), вошедший в историю как самый бездарный из русских царей, прозванный в народе „Николаем кровавым“, владычество которого оставило после себя неисчислимые братские могилы во всех уголках обширной России и это ничтожество, в урагане общественных сдвигов, роста пролетарских масс, пробуждавшегося миллионного крестьянства, непрерывных революционных брожений,—не могло не погибнуть.

Уже на втором году своего владычества последний царь показал себя во всю расстрелом мирных забастовщиков „Большой ярославской мануфактуры“ „молодцами-фанагорейцами“ в 1895 г. и с этой даты начинается длинный, скорбный список безименных жертв классовой борьбы. С ростом классового

самосознания рабочих масс растут репрессии, расстрелы рабочих во время экономических забастовок в 1899 г.: в Мариуполе, Екатеринославе, Петербурге, Риге, Лодзи, Златоусте, Ростове. Уже на фоне массового движения рабочих оживает и индивидуальный террор, на который царское правительство отвечает казнями.

Казню Степана Балмашева в Шлиссельбурге 3 мая 1902 г. за убийство министра внутренних дел Сипягина и казню Лекерта в мае того же года в Вильне за покушение на губернатора фон-Валя — открывается скорбный список казненных рабочих, крестьян и интеллигентов за время владычества последнего царя.

Этой эпохе мы уделяем доминирующее место над всем материалом, собранным нами на протяжении последних десяти лет. Раздел „Кровавый смерч“ начинается с выступления петербургских рабочих 9 января 1905 г., поскольку

„... события научили теперь всех и каждого, даже совершенно чуждых марксизму людей, вести летоисчисление революции с 9-го января 1905 г., т. е. с первого сознательного политического движения масс, принадлежащих к одному определенному классу...“ (Ленин, т. VIII, 44—46 тысячи: „Революция и контрреволюция“, стр. 489).

И ставший во главе движения впервые в истории русского самодержавия пролетариат разбудил и повел за собой миллионные массы крестьянства и своими бурными выступлениями по всей России увлек за собой часть армии и флота.

Под давлением все возрастающей революционной стихии, завершенной всероссийской жел.-дор. забастовкой, Николай последний издал знаменитый „манифест“ 17 октября 1905 г., отметив в своем дневнике: „господи, помоги нам, усьмири Россию“.

Призвав бога на помощь, Николай одновременно призывает умирить Россию Трепова, Дурнов, Мина, Римана, Ренненкампа, Меллер-Закомельского и многих других поменьше рангом и они общими усилиями потопили революцию в крови народных масс.

Три года (1905—1907) отчаянно, с беспримерным героизмом в истории борьбы классов, дрался российский пролетариат и батрачество с деспотизмом. Партизанские отряды, красные сотни, боевые дружины, — руководимые большевиками, — наносили удар за ударом правительству больше, чем все отдельные и вместе взятые террористические акты отдельных боевиков против отдельных сановников и правительственных агентов.

Насколько велико было влияние большевиков на вооруженное выступление масс против царской своры, видно из „прощального“ приказа № 8 ген. Ренненкампа от 26 мая 1906 г. (см. главу: „Кровавый смерч“), в котором он, объявлял,

„что основными причинами всей смуты считаю общий отголосок всероссийских беспорядков,—прочность организации Р. С. Д. рабочей партии...“ (подчеркнуто нами).

Генералы-усмирители в докладах царю о трудностях ликвидации восстания жаловались на „недостаточность (читай: ненадежность) воинской силы“.

Победившая реакция зло мстила за „дерзкое“ восстание 1905 г. Массовые казни через повешение привлекли к себе все внимание и „заботы“ министра и его соратников. В министерских кабинетах, полицейских участках и даже салонах разрабатывались подробнейшие инструкции о привлечении палачей, об оплате их за каждого повешенного, об удобствах казней ночью при факелах и на рассвете без оных. Потребность в палачах так была велика, что они оказались „дефицитными“. Пришлось усилить вербовку их среди полицейских и уголовных бандитов.

Департамент полиции щедро оплачивал „труд“ палачей. Он платил им по 25, 50, 100 рублей за каждого повешенного. Черная реакция не только вешала „по суду“, но и расстреливала без всякого „суда“.

Зачастую смертники накануне казни подвергались жесточайшим пыткам. Истязали порой у самого эшафота и уже агонирующих смертников не вешали, а добивали.

Нередко казни совершались на глазах заключенных, в оградах тюремных замков, и ожидавшие казни смертники, видя все это, массами кончали самоубийством, порой за часы и минуты до совершения над ними казни. Эти невольные свидетели казней, не ожидая воли и „милости“, сами уходили от жизни, кончали самоубийством.

В печатаемом ниже перечне казненных эпохи 1905—1917 гг. мы находим не только одиночек казненных, но и по два—три человека казненных из одной семьи: двух братьев, отцов с одним и двумя сыновьями, братьев и сестер, мужа с женой.

Казнь трех Рябоштанов—аграрников, в 1907 г. переполнила чашу терпения даже многих либералов, относящихся отрицательно к первой русской революции. По поводу этой дикой казни (трех человек из одной семьи) Л. Н. Толстой написал свой знаменитый очерк „Не могу молчать“. Так возводили на эшафот и расстреливали молодых и стариков, мужчин и женщин, детей и подростков „во славу царя и престола“.

В результате мы видим, что в то время царизм вообще, а последний из Романовых, в особенности, опередил все страны казнями. За 23 года владычества Николая II (последнего) мы насчитываем, (по далеко неполным данным, около 135.000 человеческих жертв (кроме двух последних войн).

Три века русские цари создавали свое благополучие на трупах народных масс и только в 1917 г. пролетариат смел царизм.

После свержения самодержавия Николай Романов с семьей был отправлен в Тобольск 14 августа 1917 г. в специальном поезде под флагом японской миссии Красного креста, куда они прибыли 26 августа 1917 г. и были размещены в бывшем губернаторском доме. В то время, когда временное правительство было озабочено „ликвидацией“ большевиков и продолжением войны „до победного конца“, монархисты сколачивали свои разбитые (но недобитые) силы для водворения Николая и его своры на престол.

Царь и его семья находились под слабой охраной. Попытки уральского йсполкома усилить охрану Николая не увенчались успехом. Поручик Малышев заявил Николаю, что в его дежурство он сможет убежать под охраной его, Малышева, взвода. Царская семья была настолько уверена в своем бегстве и возвращении на престол, что когда в Тобольск вошел отряд красноармейцев Александра Федоровна (низложенная царица) приняла этот отряд за „своих“ и приветствовала его в окно криками: „хорошие русские люди“.

Однако, советскому правительству стало известно, что в Тобольске готовится побег Романовых. ЦИК командировал вооруженный отряд в 150 чел. во главе с В. В. Яковлевым, который прибыл туда 22 апреля 1918 г. и заявил полковнику Кобылинскому о решении советского правительства перевезти Романовых в Екатеринбург. Вначале Романовы категорически отказались выехать из Тобольска, потом подчинились условным „энергичным“ требованиям Яковлева и 26 апреля 1918 г. Николай с семьей и в сопровождении небольшой свиты выехали из Тобольска в Екатеринбург. Однако, не доезжая Екатеринбурга, Яковлев вернул „царский“ поезд обратно на Тюмень—Омск с намерением прорваться в Еропейскую Россию. Позже выяснились мотивы, по которым Яковлев лавировал с поездом Николая: Яковлев оказался тайным агентом монархистов и пытался освободить „его величество“. Впоследствии Яковлев сбежал и присоединился к контр-революционным чешским отрядам.

Уральский йсполком после этого еще больше усилил свою бдительность и с 20 мая 1918 г. держал их в Екатеринбурге. И в Екатеринбурге монархисты неоднократно пытались вернуть Николая к „трону“. В июне 1918 г. прибыл из Одессы генерал Сидоров, который сообщил Николаю „последние новости“ следующего содержания: „Час освобождения приближается. Славянские войска (чехо-словаки) все более и более приближаются к Екатеринбургy. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Этот момент наступил, надо действовать“.

Когда уральский совет убедился в том, что в городе Екатеринбурге действует монархическая организация, а „славянские войска“ усиленными темпами наступают на Екатеринбург и дни города сочтены, то мысль о суде над Николаем и

над всей его царской шайкой пришлось оставить. Уральский областной совет решил не дожидаться суда и расстрелять всех Романовых, находящихся под арестом, что и было приведено в исполнение 17 июля 1918 г., а 28 июля чехо-словаки заняли Екатеринбург.

Низложенный последний царь Николай Романов под арестом в „Царском (ныне Детском) Селе“. (Позади солдаты — часовые)

Просматривая заключительный очерк этой книги „Царизм опередил все страны мира казнями“, мы видим, что за 304 года владычества Романовых (1613—1917), начиная от Михаила и кончая Николаем,—ни один из них не оставил после себя память без виселиц, без расстрелов. Особенной же лютостью отличился, именно, последний Николай. За 23 года его царствования мы насчитываем около 135.000 человеческих жертв (расстрелянных, убитых, повешенных), исключая миллионное количество жертв, как результат двух войн 1904—1905 и 1914—1917 гг.

Три века русские цари, шайка Романовых, строили свое благополучие на трупах народных масс и лучших представителей передовой интеллигенции.

На 305 году владычество Романовых, довело страну до грани отчаяния. Последняя империалистическая война стоила России огромных человеческих жертв (6.292.000 убитых, раненых и пленных) и материальных ценностей (252 миллиарда золотом).

Недовольство за два с половиной года войныросло с каждым днем.

Монархия катилась в пропасть, трон основательно шатался и в надежде его укрепить Николай II менял своих министров через каждые два-три месяца, и поэтому за последние два года его владычества сменилось:

4 председателя совета министров, 6 министров внутренних дел, 3 министра иностранных дел; 3 военных министра, 3 министра юстиции, 4 министра земледелия и 4 обер-прокурора.

И эта министерская чехарда тоже не помогла Николаю и его шайке укрепиться потому, что

„Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую“. (Сталин. „Вопросы ленинизма“, стр. 15, изд. VII, 1931 г.).

О причинах столь быстрой победы революции над царизмом В. И. Ленин писал:

„Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 гг.—была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней, вторая революция. Первая (1905) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг-другу—и всему миру—все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе...

... Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914 гг.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты“, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых, этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров,—этих „первых среди равных“ помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса „священной собственности“ (Ленин, изд. 2-е, т. XX, стр. 13—14).

Прошло всего семнадцать лет с момента низвержения монархии и капиталистического владычества в России и оглядываясь назад мы видим, какой огромный путь прошла Страна Советов за эти годы; вдумавшись, мы констатируем, какая пропасть между тем, что было столетиями в царской России, и тем, что стало за семнадцать лет в Советском Союзе, а именно:

Там, где были пустыри—воздвигнуты города, фабрики, заводы, больницы, школы.

Челябинск, „славившийся“ своей центральной пересыльной тюрьмой при царизме, ныне славится своим тракторным заводом,

Вместо свирепых каторжных тюрем с повседневным избиением политкаторжан, с карцерами, розгами, кандалами—мы имеем исправдомы, трудколони с клубами, библиотеками.

„Царское Село“—резиденция Романовых, место разврата царской шайки и место неисчислимых преступлений против рабочего класса и крестьянства, ныне „Детское Село“—здравница для детей Октября и ветеранов революции, а „Зимний

Дворец" шайки Романовых превращен в „Дворец Искусств“, Ливадия же—царский курорт—в крестьянский санаторий;

Забайкалье—место каторжных тюрем, ссылок; земля забайкальская и Байкал, орошенные кровью рабочих, крестьян по милости Ренненкампов и атаманов Семеновых,—ныне Бурято-Монгольская ССР.

Какая пропасть между царской эшафотной, самодержавной Россией и Союзом Советов!

На основе величайшего героизма трудящихся Страны Советов блестяще завершена пятилетка в четыре года и „из отсталой, мелко-крестьянской страны, какой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран“ (резолюция пленума ЦК и ЦКК от 10 января 1933 г.).

На опыте борьбы и побед Страны Советов трудящиеся капиталистического мира строят свои стратегические планы, мобилизуя силы для грядущей мировой, социалистической революции, ибо

„Красный призрак коммунизма, который долго бродил по Европе, пугая королей, царей и магнатов земли и биржи, воплотился в жизнь, смел не только остатки царской монархии, но выкорчевал самые корни эксплуатации многомиллионных масс крестьянства и рабочего класса. Социальные сдвиги, какие произошли в Стране Советов за 15 лет, не имеют в истории ничего равного. (Ем. Ярославский. „Каторга и ссылка“, № 11—12, 1932 г. стр. 9).

И эти беспримерные в истории победы достигнуты в результате твердой и правильной линии ленинской партии большевиков во главе с лучшим соратником Владимира Ильича и любимым вождем нашим товарищем Сталиным.

Автор